

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Департамент лингвистики

Кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации
на иностранных языках

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой _____ М. Ю. Илюшкина

« ____ » _____ 2022 г.

Англоязычные фразеологизмы с антропонимами: лингвокультурные характеристики и особенности перевода

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Руководитель, д.ф.н., проф.

Рецензент, д.ф.н., доц.

Нормоконтролер, к.ф.н., доц.

Студент гр. УГИМ-200025

О.В. Томберг

Н.Н. Кошкарлова

В. И. Бортников

Е. В. Голенева

Екатеринбург
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕРМИНЫ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО И ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АСПЕКТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АНТРОПОНИМАМИ.....	7
1.1. Понятие и отличительные черты фразеологических единиц.....	7
1.2 Фразеологизм как лингвокультурное явление.....	19
1.3 Специфика антропонима как лингвокультурного феномена в составе фразеологизма.....	34
1.4 Особенности перевода англоязычных фразеологизмов с антропонимами на русский язык.....	49
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	64
ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АНТРОПОНИМАМИ.....	67
2.1 Семантика фразеологических единиц с антропонимами как средство репрезентации англоязычной лингвокультуры.....	67
2.2 Анализ способов передачи англоязычных фразеологизмов с антропонимами на русский язык.....	75
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	101
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	104

ТЕРМИНЫ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ФЕ (фразеологическая единица) – устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание или предложение, выполняющее функцию отдельной лексемы

ФРАЗЕОЛОГИЗМ – свойственное определённому языку устойчивое словосочетание, смысл которого не определяется значением отдельно взятых слов, входящих в его состав.

ИДИОМА – оборот речи, употребляющийся как единое целое; фразеологическое сращение

ИС (имя собственное) – это имя, которым называют предмет, чтобы отличить его от другого однородного предмета. Собственные имена существительные – это названия отдельных лиц, единичных предметов.

АНТРОПОНИМ – единичное имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной.

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена англоязычным фразеологизмам с антропонимами в составе, их лингвокультурным характеристикам и особенностям перевода.

За тысячелетнюю историю в английском языке накопилось множество устойчивых выражений, которые носители языка посчитали самыми яркими и лаконичными. Такие выражения называются фразеологизмами и изучает их отдельная наука – фразеология.

Отечественные ученые давно вывели ряд теорий и приемов, касающихся перевода фразеологизмов, но передача фразеологизмов с антропонимом в составе до сих пор является проблемным вопросом, так как переводчику стоит учитывать не только фразеологическую составляющую такого высказывания, но стоящие за каждым оригинальным антропонимом его лингвокультурные особенности.

Появление новых фразеологических единиц процесс непрерывный, что делает его актуальным и уникальным. Фразеологизмы способны изменять свою структуру, не меняя смысл, и наоборот. При таком подходе устаревшие фразеологизмы получают «вторую жизнь» и легко ложатся на реалии современного мира. Также запас новых устойчивых выражений непрерывно растет благодаря киноиндустрии, Интернету, литературе и высказываниям публичных личностей.

Язык – динамичная система, в которой постоянно происходят изменения. С появлением новых феноменов появляются и новые термины, а также и новые устойчивые выражения, органично входящие в состав языка. Современные устойчивые выражения, как правило, не имеют аналогов в других языках, и переводчику приходится учитывать этот факт при передаче лингвокультурных реалий ФЕ. Данное положение определило актуальность темы данной работы.

Особенности перевода фразеологических единиц с антропонимом в составе и их лингвокультурные характеристики легко отследить на

материале современной литературы. Сравнивая язык перевода с языком оригинала, важно проанализировать используемые переводческие стратегии и оценить их адекватность в контексте культурных реалий разных стран.

Объект исследования – англоязычные фразеологизмы с компонентом антропоним в составе.

Предмет – особенности перевода англоязычных фразеологизмов с антропонимами в составе и их лингвокультурных характеристик.

Целью данной работы является выявление особенностей перевода фразеологизмов с антропонимом в составе на материале современной литературы.

Переводческий аспект во фразеологии особо важен, ведь адекватный и точный перевод фразеологических единиц помогает переводчику достигнуть главной цели – передать высказывания, не потеряв его изначальный смысл, и представить его читателю, сохраняя национальный и культурный характер.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

- 1) определить и изучить теоретическую базу исследования;
- 2) дать определение фразеологических единиц и рассмотреть основные приемы их перевода;
- 3) рассмотреть фразеологическую единицу, как лингвокультурный феномен;
- 4) проанализировать особенности перевода фразеологических единиц с антропонимом в составе;
- 5) определить особенности перевода ФЕ с компонентом антропоним на материале современной литературы.

В качестве практического **материала** для исследования использовались произведения современных писателей в жанре ужасы, а именно Стивена Кинга, Терри Пратчетта и Нила Геймана.

Структура данной работы определяется вышеперечисленными задачами. В Главе 1 мы даем определение понятия фразеологической единицы, рассматриваем основные классификации фразеологизмов и

общепринятые способы перевода. Затем мы рассмотрим фразеологическую единицу в качестве лингвокультурного феномена и ее значимость для лингвокультурологии. В Главе 2 данной работы мы проанализируем фразеологические единицы с компонентом антропонимом, взятые из отрывков произведений Стивена Кинга, Терри Пратчетта и Нила Геймана, и посмотрим, какие переводческие стратегии были использованы, а также какие лингвокультурные тенденции можно наблюдать на их фоне.

Основные выводы, а также практический материал, представленные в работе, могут быть использованы в курсе лексикологии английского языка, а также в курсе теории и практики перевода.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО И ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АСПЕКТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АНТРОПОНИМАМИ

1.1. Понятие и отличительные черты фразеологических единиц

За многовековую историю в лексический состав каждого языка вошли устойчивые выражения, которые лаконично сочетали в себе народную мудрость с легко запоминающимися грамматическими формами. В лингвистике такие выражения получили свое отражение в термине «фразеологизмы». Так зародился новый, особый слой языка, который изучает отдельный раздел науки – фразеология. Как отдельная научная дисциплина фразеология впервые возникла в СССР в начале 60-х годов XX века и ее основателем по праву принято считать доктора филологических наук и лингвиста В.В. Виноградова. Фразеология не только рассматривает фразеологические единицы в современном составе языка, но и отслеживает их историческое развитие на различных временных этапах. Однако, несмотря на ряд исследований отечественных ученых в этой области, единого подхода к определению фразеологизма до сих пор нет.

По мнению самого основателя науки В.В.Виноградова, фразеологизм это «устойчивое сочетание слов с целостным обобщенно-переносным значением, возникшим на основе образного переосмысления (семантической трансформации) словесного комплекса» [Виноградов, 1985:43]. Именно В. В. Виноградов предложил самую известную классификацию фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

А. В. Кунин в своей работе «О фразеологической номинации» определяет фразеологические единицы как «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин, 1997: 89],

называя фразеологизмы богатством языка, в котором хранится информация ценная для изучения культуры и истории.

Профессор А. И. Смирницкий утверждает, что фразеологические единицы – это «устойчивые сочетания, которые, в отличие от идиом, не обладают экспрессивностью или эмоциональной окраской». Ученый четко определял фразеологию как отдельную лингвистическую дисциплину. Его авторству принадлежат следующие строки: «Хотя изучением фразеологической сочетаемости занимается специальная наука – фразеология, которая является разделом лексикологии, фразеологическая сочетаемость должна обязательно учитываться при изучении синтаксического строя языка» [Смирницкий, 1956: 203].

В. П. Жуков определяет фразеологизм более конкретно, сразу же включая в определение сопутствующие грамматические признаки: «фразеологизм – это воспроизводимый в речи оборот, построенные по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний (непредикативного или предикативного характера), обладающий целостным (или реже – частично целостным) значением и сочетающийся со словом». Например: не за горами, как в воду опущенный [Жуков, 1986: 4].

В. И. Мокиенко считает, что «фразеологической единицей является относительно устойчивое, воспроизводимое сочетание лексем, обладающее целостным значением» [Мокиенко, 1998: 34].

Современная теория перевода выделяет несколько терминов – «фразеологизм», «фразеологическая единица», «идиома» и «фразеологический оборот». Все перечисленные термины синонимичны, однако К. Я. Авербух и О. М. Карпова утверждают, что наиболее распространённым термином все-таки считается термин «фразеологическая единица». Под этим термином К. Я. Авербух определяет фразеологическую единицу как «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полностью или частично переосмысленным значением» [Авербух, 2009: 14].

Представитель той или иной нации может легко распознать фразеологизм в рамках своего языка. По мнению В. П. Жукова фразеологическая единица наделена рядом существенных, определяющих признаков: устойчивостью, воспроизводимостью, семантической цельностью значения, расчленённостью своего состава (раздельнооформленным строением), незамкнутостью (открытостью) структуры [Жуков, 1986: 5].

Под воспроизводимостью принято понимать регулярную повторяемость и возобновляемость в речи языковых единиц разной степени сложности, например, крылатые изречения (И дым отечества нам сладок и приятен), пословицы и поговорки (Тише едешь дальше будешь), составные термины и наименования (белый медведь, почтовый ящик), фразеологические сочетания (попасть в зависимость) и, собственно, сами фразеологизмы (бить баклуши).

Идиоматичность – это полная смысловая неразложимость фразеологизма, аустойчивость – это мера, степень семантической слитности и неразложимости компонентов [Жуков, 1986: 5]. При таком подходе устойчивость и изменчивость являются неразрывно связанными. Чем сильнее между собой семантически расходятся компоненты фразеологизма, тем выше у них устойчивость и, как следствие, идиоматичность. Тем самым, устойчивость не зависит от логики и предсказуемости компонентов на лексическом уровне, входящих в состав фразеологизма. Если рассматривать слово, которое является компонентом в составе фразеологизма и то же самое слово в свободном словосочетании, можно сделать вывод, что устойчивость фразеологизма определяется на семантическом уровне. Даже словосочетание эквивалентного состава не будет считаться фразеологизмом, т. к. форма фразеологизма будет ограничиваться, как и система значений у свободного словосочетания.

Важным признаком фразеологизма является Семантическая целостность–внутреннее, смысловое единство фразеологизма [Жуков, 1986: 6]. Слова, входящие в состав фразеологизма, в той или иной мере теряют

свое лексическое значение. Принято считать, что существуют более формальные признаки, способные измерить семантическую целостность фразеологической единицы, однако выяснить степень утраты того или иного лексического значения довольно сложно. Следовательно, семантическая целостность постоянно изменяется и не является стабильной в своем проявлении. Фразеологизмы с наиболее замкнутой семантической структурой давно утратили свою первоначальную внутреннюю форму

(Попасть впросак), их значение является сверхцелостным [Жуков, 1986: 7].

По мнению В. П. Жукова «наименьшая степень семантической целостности присуща фразеологизмам, у которых каждый компонент обладает семантической соотнесенностью (но не тождеством!) с однозвучными словами подобного употребления» [Жуков, 1986: 7]. То есть чем больше оттенки смысла слова свободного употребления схожи с его семантическим смыслом в составе фразеологизма, тем легче этот самый смысл понять. Такие фразеологизмы предоставляют собой своеобразную логическую цепочку, проследив которую, даже представитель другой культуры сможет понять его значение. Например, фразеологизм зарыть талант в землю семантически проницаем и его намного легче разложить на связанные между собой смысловые компоненты, чем фразеологизм бить баклуши, в составе которого находится слово, давно вышедшее из употребления. Наиболее четко семантическую целостность можно проследить у фразеологизмов, которые появились благодаря метафорическому переосмыслению свободных словосочетаний идентичного лексического состава, например: *выворачивать наизнанку*.

Деактуализация фразеологизмов – это семантическое преобразование слова в составную часть фразеологизма, его компонент [Жуков, 1986: 8]. Многие фразеологизмы очень трудно истолковать, основываясь только на словесном материале. Например, «висеть над головой» невозможно понять, разбив его исключительно на слова свободного употребления: висеть, над,

головой. Такие фразеологизмы можно объяснить только более развернуто, основываясь на предыстории, лежащей за тем или иным фразеологизмом.

Как раз в таком случае развернутые определения будут выявлять семантическую наполненность фразеологизма.

С точки зрения формы, стоит отметить такой признак фразеологизма, как расчлененное строение. Фразеологизм и свободное словосочетание могут иметь одинаковую структуру и являться раздельнооформленными единицами, например, мокрая курица и большая собака (прил.+сущ). Незамкнутость структуры фразеологизма проявляется в том, что своим составом фразеологизм будет представлять собой неделимое целое и сочетаться в речи со знаменательными словами, которые его окружают. Таким образом, признаки фразеологизма можно поделить на внутренние (по семантическому составу) и внешние (по форме). Семантическая целостность и раздельнооформленность состава будут служить его определяющими признаками.

Наиболее известную классификацию для фразеологических единиц предложил основоположник науки фразеологии В. В.Виноградов. Он выделяет три типа фразеологических единиц:

Первый тип: фразеологические сращения.

Фразеологизмы, значения которых никак не связаны со значениями слов, входящих в их состав. Они абсолютно неделимые, немотивированные и непроизводные. Например, точить лясы. Довольно затруднительно объяснить смысл отдельных частей, только в сочетании друг с другом они несут в себе смысловую нагрузку и входят в состав полноценного фразеологизма. Некоторые фразеологические сращения очень трудно отследить этимологически, так как их семантическая история может развиваться в течение нескольких веков.

Фразеологические сращения в свою очередь могут делиться на четыре подтипа, в зависимости от того, чем вызвана или обусловлена неразложимость выражения [Виноградов, 1985: 140]:

1) фразеологические сращения, в составе которых есть вымершие слова, которые давно не употребляются и могут быть непонятны нынешнему поколению (например: *у черта на куличках*);

2) фразеологические сращения, которые в своем составе имеют грамматические архаизмы. Такие грамматические структуры будут являться неделимым целым с точки зрения синтаксиса. Иными словами, они будут не соответствовать грамматическим нормам современного языка (например: *была – не была, и вся недолга*);

3) фразеологические сращения, которые стали экспрессивно индивидуальными. Они являются неразложимыми как лексически, так и семантически (например: *чего доброго* и др.);

4) фразеологические сращения, в которых лексические значения компонентов совершенно неважны для понимания смысла. Они представляют собой слитное семантическое единство (например: *сидеть на бобах, души не чаять в ком-нибудь*).

Особенностью формы фразеологического сращения является тот факт, что многие фразеологизмы такого типа не могут быть объяснены грамматически с точки зрения современного русского языка. Такие грамматические архаизмы в свою очередь еще раз доказывают лексическую неделимость фразеологической единицы.

Таким образом, мы еще раз доказываем, что фразеологическое сращением неделимо, но отсутствия одного компонента в системе современного русского языка иногда недостаточно для того, что неделимость идиоматической. Очень важную роль играет и его семантическая наполненность и факторами, которые ее определяют.

Второй тип: фразеологические единства.

Фразеологические устойчивые сочетания, обобщенно-целостное значения, которых частично связаны с образными, семантическими значениями составляющих его компонентов, называются фразеологические единства. В основе такого типа всегда лежит образ.

В.В. Виноградов говорит о том, что «образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их фактической этимологии. По большей части, это выражения, состоящие из слов конкретного значения и имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, положить, класть зубы на полку в значении "голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности» [Виноградов, 1985: 140].

По сути, такие единства представляют собой потенциальные эквиваленты слов. Они отличаются от фразеологических сращений семантической сложностью структуры, компоненты которой потенциально отражают общее значение фразы с помощью смысловой связи компонентов, входящих в состав фразеологического единства. Они могут совпадать со свободными словосочетаниями, как по внешней, так и по звуковой форме. Например, бить ключом (жизнь бьет ключом) и бить ключом (о воде в ручье) [Виноградов, 1985: 142]. Ученый Б. А. Ларин считает, что такие обороты можно назвать метафорическими, потому что присущая им образность частично или полностью мотивирована и именно она отличает их как от фразеологических сращений, так и от свободных сочетаний.

С группой фразеологических сращений фразеологические единства сближает как раз неделимость состава. Но в отличие от них, в состав единства может входить еще один компонент, определяющий или дополняющий фразеологизм. Например, *лить воду на (свою, мою, твою, чужую и т.д.) мельницу*.

С грамматической точки зрения фразеологические единства имеют строгую форму, но ее можно объяснить средствами современного русского языка, и она будет весьма привычна.

К фразеологическим единствам также относятся и составные термины, которые получили обобщенно-переносное значение в процессе употребления. Например, первая скрипка, наклонная плоскость и т.д.

Третий тип: фразеологические сочетания.

Под фразеологическими сочетаниями В. В. Виноградов понимает устойчивые обороты, значение которых полностью зависит от значения составляющих их компонентов. Другими словами, фразеологизмы такого типа сохраняют относительно семантически самостоятельны и проявляют свое значение в предельно замкнутом кругу слов. Как правило, в таких оборотах можно выделить постоянный член, который остается неизменяемой основой и переменный член, который способен изменяться и варьироваться. Например, выражение «бежать как угорелый» может выглядеть как «*нестись как угорелый*» и др. Значит, «как угорелый» – это постоянный компонент, а прочие интерпретации слова «бежать» – это компоненты переменные. У переменного компонента может быть множество различных вариантов, но фразеологические сочетания требуют довольно замкнутого набора слов. Даже при свободном употреблении одного из компонентов, определенная семантическая «дружба» между частями фразеологического сочетания все равно сохраняется. «В фразеологических сочетаниях синтаксические связи вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции» [Виноградов, 1985: 26].

Фразеологические сочетания очень живы в употреблении и при этом семантически ограничены. Они воспринимаются как готовые фразеологические единицы – воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи. Иными словами, если грамматически расчленить фразеологическое сочетание, то это приведет к пониманию лишь его этимологической природы, а не синтаксической функции в современном языке.

По мнению Н. М. Шанского, в данной классификации не хватает четвертого типа фразеологической единицы – фразеологического выражения. Это устойчивые в составе и употреблении обороты, которые являются семантически делимыми и состоят из слов со свободным значением. Н. М. Шанский выделяет фразеологическое выражение как отдельный тип, потому

что основной характеристикой ФЕ является воспроизводимость в речи. Например, далеко и надолго [Шанский, 1996: 15].

В своей классификации А.В. Кунин распределяет английские фразеологизмы в рамках трех разделов фразеологии по их переосмысленности и сложности: идиоматикой, идиофразеоматикой и фразеоматикой [Кунин, 1997: 14]. А.В. Кунин дополняет общепринятую классификацию В.В. Виноградова, ведь английская фразеология не укладывается в три класса [Кунин, 1997: 26].

В раздел идиоматики А.В. Кунин включает ФЕ, которые определяются им как «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением» и которые могут быть как мотивированными, так и немотивированными, а также различаться по структурным типам [9, с. 26]. Из данной группы А.В. Кунин предлагает сделать следующую категорию: фразеологические единства (*all is not gold that glitters*) и фразеологические сращения (*kick the bucket*) [Кунин, 1997: 27].

Идиофразеоматизмы, входящие в следующий раздел фразеологии – идиофразеоматики, это «устойчивые словосочетания, у первых фразеоматических вариантов которых компоненты имеют буквальные, но осложнённые значения, а у вторых идиоматических вариантов – полностью переосмысленное, например, *chain reaction* – 1) цепная реакция (науч. термин); 2) цепная реакция (полностью переосмысленный идиоматический вариант). Второй вариант – переосмысление первого, являющегося его прототипом. Переосмысление носит метафорический характер» [Кунин, 1997: 28].

В раздел фразеоматики А.В. Кунин включил фразеоматические единицы, или «фразеологизмы неидиоматического характера, но с осложнённым значением» [Кунин, с. 27]. Данная категория делится на следующие группы:

1) Обороты с преобразованным значением, семантическая сложность которых состоит в том, что их значения не являются суммой значений их

компонентов, а буду рассматриваться уже как новые значения (*good morning, good night*).

2) Обороты с прибавочно-уточнительным значением (*an affair of honour*)

3) Обороты с прибавочно-уточнительным значением, которые представляют собой символические жесты (*knit one's brows, no one's head*).

4) Пословицы с буквальным значением, основанные на отождествлении или противопоставлении значений компонентов (*a friend in need is a friend indeed*).

5) Обороты с фразеоматически связанным значением, где значение основного (ведущего) компонента можно вывести только из тех образований, в составе которых этот компонент используется (*to pay attention/heed/ no mind, pay a call/a visit*). Для данной категории свойственна тенденция к расширению сочетаемости основного (ведущего) элемента, поэтому они приближаются к переменным словосочетаниям [Кунин, 1997: 27].

В состав фразеологии А.В. Кунин не включает обороты с терминологическим значением (*visual navigation, measuring instrument*), а также словосочетания с узким значением ведущего компонента (*to launch a rocket*). И те, и другие словосочетания образуются по порождающей модели переменного словосочетания [Кунин, 1997: 27].

В своей классификации Н. Н. Амосова выделяет два типа ФЕ – фраземы и идиомы. Пословицы и поговорки Н. Н. Амосова в состав фразеологии не включает.

Под фраземой понимается единица контекста, в которой указательный минимум, требуемый для актуализации данного значения семантически реализуемого слова, является единственно возможным, не варьируемым, т. е. постоянным [Амосова, 2013: 126]. Например, *black frost* – мороз без снега, второй компонент является указательным минимумом для первого. Единичная сочетаемость во многих фраземах крайне неустойчива, что позволяет фраземам легко становиться переменными сочетаниями слова.

Н.Н. Амосова отмечает, что «фраземы составляют наиболее текучую часть фразеологического фонда, что расширение сочетаемости разрушает стабильность составляющего их контекста и тем самым выводит их за пределы фразеологии» [Амосова, 2013: 139].

«Идиомы характеризуются целостным значением» [Амосова, 2013: 142]. Иными словами, идиомы – это единицы постоянного контекста, в которых указательный минимум и элемент, который семантически реализуется, легко составляют тождество. Например, *play with fire* – играть с огнем и т. п.

Н.Н. Амосова выделила частично предикативные фразеологизмы. Это обороты, которые содержат грамматически ведущий член – антецедент – предикативную единицу, которая будет от него зависеть. Например, *see how the land lies* – выяснить, как обстоят дела и т. п.

Пословицы и поговорки Н.Н. Амосова в состав фразеологии не включает.

В.С. Виноградов предлагает в своей классификации разделить фразеологические единицы на три большие группы: лексические, предикативные и компаративные [Амосова, 2013: 184].

1. Лексические фразеологизмы – это фразеологические сочетания, которые понятийно аналогичны словам и семантически совпадают с ними. Например, *козел отпущения*, *бок о бок* и т.д.

Такие фразеологизмы воспроизводятся в речи уже как готовые лексические единицы, которые эквивалентны различным частям речи, существительным, глаголам, прилагательным, наречиям и т. п. Единицы в составе данного фразеологизма целостны и имеют конкретное значение. Именно значение реализуется в обычной речи, а не смысл составляющих фразеологизмов слов.

В.С. Виноградов утверждает, что при переводе фразеологической единицы переводчик должен стремиться подобрать эквивалент (фразеологизм другого языка), который будет обладать таким же объемом

информации. Однако для оригинальной фразеологической единицы одного языка не всегда удастся подобрать эквивалент из другого. В таком случае, лексические фразеологизмы легче всего передать с помощью описательного перевода или калькирования. При приеме описательного перевода может быть нарушена стилистическая целостность, но художественная адекватность сохранится. В случае с калькированием стоит учитывать, что калька не будет выглядеть естественно в контексте другого языка. Такой прием эффективен лишь, когда стоит сохранить стилистику и передать игру слов на другой язык.

2. Компаративные фразеологизмы также находятся на уровне словосочетания и закрепились в языке как устойчивые выражения, в которых присутствует сравнительный элемент. Например: *как за каменной стеной*, *гол как сокол* и т.д.

У данного типа существует группа единых моделей для различных языков, по которым можно образовать данные фразеологизмы. Самые распространенные это: «прилагательное+союз+существительное» (*злой как черт*) и «глагол+союз+существительное» (*бежать как угорелый*).

В. С. Виноградов считает, что для перевода компаративных словосочетаний есть два основных приема: подбор соответствующего фразеологизма и калька оборота оригинала. Подобранный эквивалент может потерять национальную особенность оборота при замене, но сохранить смысловую и стилистическую адекватность. Собственно, калькирование может и вовсе восприниматься представителем другой культуры исключительно как авторское сравнение, а не фразеологизм.

3. Предикативные фразеологизмы – это законченные предложения, которые закрепились в языке как особые, устойчивые формулы. Например: *делу – время, потехе – час; седина в бороде, а бес в ребро*.

Иными словами, все поговорки, пословицы и афоризмы в данной классификации будут являться предикативными фразеологизмами. В таких суждениях отражается житейский опыт, нравственные устои и быт того или

инога народа, при этом реалии, при которых появился такой устойчивых оборот, уже могут быть забыты. Главное, что их прямой и иносказательный смысл существуют в рамках одного такого оборота. Поэтому, перед переводчиком стоит непростая задача – передать и смысл, и метафорическое содержание пословицы.

На наш взгляд, классификация В.С. Виноградова наиболее понятна и прозрачна, так как позволяет осуществить анализ компонентов фразеологизма как на уровне предложения, так и на уровне словосочетания и слова.

Мы разделяем мнение Л. П. Пермякова, который указывает на то, что в состав фразеологизмов стоит также включать пословицы и поговорки, крылатые слова и афоризмы [Пермяков, 1968: 33].

1.2 Фразеологизм как лингвокультурное явление

Язык является основной формой национальной культуры, именно он является сокровищницей духовных достижений нации и опыта. Язык нации и ее культура составляют одно целое. Развитие культуры начинается из развития языка, поэтому язык и культура взаимосвязаны. Утверждение, что культурные процессы влияют на язык, а язык на культуру, является общепризнанным. По словам известного лингвиста А.А. Потебни, «языковая индивидуальность отличает человека как личность, и чем более яркой является личность, тем полнее она отражает языковые качества общества» [Потебня, 1976: 48].

В современной лингвистической науке, особенно в последние десятилетия, наблюдается повышение научного интереса к проблемам фразеологических единиц. При этом способы формирования фразеологических единиц, их внутреннее содержание и мотивированность, их взаимоотношения с другими лингвистическими единицами, теоретическое обоснование образования фразеологического фонда представляют собой те

проблемы, которые затрагивают многие исследователи. Более того, они не только расширяют и углубляют понимание фразеологического фонда, но ставят новые задачи, к примеру, исследование фразеологизмов с антропонимами с точки зрения лингвокультурологического подхода.

Стоит отметить, что в конце XX века центром лингвистических исследований становится человеческое «Я», т. е. формируется антропоцентрическая парадигма. Одним из продуктов продукта является лингвокультурология – особое восприятие окружающей среды, обусловленное спецификой национального языка, когда язык становится инструментом отражения национальных аспектов [Маслова, 2001: 8].

В лингвистике конец прошлого века обозначен особым вниманием к изучению проблемы взаимовлияния и взаимосвязи языка и культуры. Характер осмысления языка и культуры зависит от многих факторов, не только экстралингвальных, но и научных, а это духовная и материальная культура общества.

Еще в 30-х годах XIX века В. Гумбольдт одним из первых определил взаимосвязь языка и культуры в пределах их полной соотносительности и неразрывности связи, что стало толчком для создания теории лингвистической относительности. Именно эта теория, концепция Л. Вейсгербера, гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, антропологический и культурологический опыт исследования и национального мировосприятия и фундамент лингвокультурологии как науки о языке и культуре.

Каждый язык имеет в своем составе устойчивые словосочетания – фразеологизмы, которые употребляются носителями языка всегда в обычном или устоявшемся оформлении. Именно они передают дух и красоту языка, который творил народ в течение веков для общения в устной или письменной форме. Поскольку язык, как особое явление развивается, то вместе с ним развивается фразеологический фонд.

Фразеологический фонд языка является одним из основных предметов изучения в лингвокультурологии, поскольку фразеологические единицы при изучении различных языков считаются важным стилистическим средством и играют большую роль при познании ее культуры, менталитета определенного народа и традиций. И именно поэтому познание культуры через язык происходит с помощью лингвокультурологического подхода.

Лингвокультурологический подход предполагает изучение фразеологии на материале разных языков и благодаря ему внимание сосредотачивается на семантических особенностях фразеологизмов. Лингвокультурология играет важнейшую роль, так как показывает взаимосвязь двоих основных компонентов – языка и культуры. Термин «лингвокультурология» начал использоваться в 90-х годах XX ст. в отечественной лингвистической школе и связан с трудами фразеологических школ В. Н. Телии, Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, В. Г. Костомарова.

Лингвокультурология – отрасль лингвистики, которая занимается взаимосвязью между языком и культурой и основывается на гипотезе о влиянии культуры на язык и языка на культуру. Она сосредотачивается на культурной специфике лексики, особенно идиоматических высказываниях. Именно поэтому лингвокультурологический аспект изучения перспективен в этом опыте видения, поскольку объектом изучения являются особенности ума, мировоззрения определенного народа, от культуры к языку и наоборот.

Фразеология каждого языка обогащается и совершенствуется, впитывая в себя мудрость из поговорок, пословиц, афоризмов, анекдотов, литературных цитат, профессионализмов, языковых штампов и клише – из всего, что на протяжении многих столетий хранит при этом памяти носитель языка – народ. Фразеологические единицы своими значениями частично пересекаются с лексикой, дополняют картину мира, создаваемую лексическими единицами. Фразеология – это символический мир, в котором разнообразные объекты, явления и процессы получают символические

обозначение. Именно своей архаичностью и мифологизированностью они отличаются от остальной лексики.

В. А. Маслова утверждает, что термин «лингвокультурология» возник благодаря фразеологической школы, которую возглавляла В.М. Телия. Лингвокультурология – это наука, исследующая проявления культуры народа, запечатленные и закреплённые в языке [Маслова, 2001: 107].

Таким образом, язык, культура и этнос неразрывно между собой связаны и пересекаются в личности в форме ее физического, духовного и социального Я.

Антропоцентризм мир рассматривает личность как единицу сознания. Индивид можно представлять, как одно сознание, или сознание одного, и одновременно как способность осознание человеком своего окружения. Этим окружением является, конечно, этнос, коллективное сознание [Кошарная, 2002: 12]. Следовательно, невозможно понять язык, не зная тех условий, в которых жил и живет народ, а сам язык прекрасен источником глубинного понимания этих условий.

По мнению немецкого ученого Лео Вайсгерберга, язык – промежуточный мир (*Zwischen welt*) между объективной реальностью и сознанием / субъективной реальностью [Кривоносов, 2006: 49]; выразителем всей силы представлений, которые каждая нация создает о вселенной [Бураго, 1994: 17].

Непосредственно фразеологизмы стали объектом исследования в лингвокультурологии не случайно, ведь это особые вербальные знаки, наделенные «культурной памятью»; «следы» культуры в языке традиционно проявлялись при анализе внутренней формы ядерных единиц, то есть фразеологизмов [Ковшова, 2009: 20]. Задача лингвокультурологического анализа, по наблюдениям Н. Брагиной, заключается в попытке определить условия формирования культурного конструкта на фразеологическом материале [Брагина, 1999, 133].

Центральным понятием в лингвокультурологии является культура. Существует достаточно много определений этого термина, но классической является дефиниция Э. Тейлора: «Культура – комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, а также другие способности и навыки, которые были усвоены человеком, как членом общества» [Культура и культурология, 2003: 452].

Лингвисты также не остаются в стороне в изучении этого явления и представляют свои толкования термина, учитывая специфику интерпретации мира через язык. В своих исследованиях В. Н. Телия отмечает: «Культура – особый тип знания, отражающий данные о рефлексивном самопознании человека в процессе его жизненных практик» [Телия, 1999, 13-14].

Значимым является определение культуры как семиотической системы, в которой синтезируются знаки и смыслы [Ковшова, 2009: 241], и уже как простые культурные смыслы, или ценностное содержание, создаваемое человеком в процессе миропонимания, и как систему различных кодов, то есть вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для обозначения культурных смыслов [Березович, 2009: 25]. Это инностное содержание, продуцируемое в культуре и кодируемое разными способами, в целом составляет картину мира, раскрывающую мировоззрение определенного социума. Знаки (знаковые тела) для воплощения своих смыслов культура находит в природе, артефактах, во внешнем и внутреннем мире человека [Ковшова, 2009: 241].

Языковые знаки преимущественно являются символами, произвольными заменителями содержания, которые они закрепляют по определенной форме, однако эта произвольность не распространяется на мотивационную связь знаков в пределах языковой системы. Исследователь А. Лосев допускал возможность динамического перехода знака в символ, то есть приобретая множество значений, знак становится символом [Лосев, 1982: 62–64]. Коды образуются и выполняют свои функции в культуре. Код

культуры можно рассматривать как «орудие для выражения смыслов» [Березович, 2007: 341].

Феномен культуры достаточно сложен, но главное, что выделяют большинство исследователей – это своеобразное кодирование форм общественного существования человечества, отражение коллективной памяти, сохранение общечеловеческих ценностей. Язык – неотъемлемая часть культуры, потому что человек воспроизводит себя средствами языка, язык представляет существование человеческой мысли, ее движение и развитие.

По выражению Э. Сепира, культура – это то, что делает и думает определенное общество, а язык – то, как оно думает [Sapir, 1949: 12]. Соответственно, выучить и понять другой язык означает: овладеть культурой того или другого этноса и понять специфику восприятия мира этим народом, ведь общеизвестным фактом является то, что язык выступает не только выразителем человеческого общения, но и особенностей миропонимания [Кошарная, 2002: 7].

Минимальным носителем лингвокультурной информации является лингвокультурема [Воробьев, 2008] – комплексная межуровневая единица, составляющая диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (культурного) содержания [Маслова, 2001]. Лингвокультурема не является единицей исключительно языковой системы, а лишь базовым термином лингвокультурологии и служит обозначением единицы вербализации культурного содержания.

План формы лингвокультуремы может соответствовать лексеме, словосочетанию, тексту. Планом ее содержания является культурная информация – совокупность культурномаркированных знаний и представлений носителей определенной этнической культуры.

Наиболее типичными источниками лингвокультуры являются:

- 1) народное творчество, включая фразеологический фонд;
- 2) достояние истории и общественное мнение;

3) литературные и публицистические произведения, где отражается национальная личность;

4) известные личности;

5) точка зрения иностранцев на определенную нацию [Красных, 2002].

Соответственно, лингвокультурология направляет свой исследовательский фокус на те языковые единицы, которые характеризуются образно-метафорическим культурным представлением. Такие языковые единицы именуется речевыми реалиями и составляют основу лингвокультурной парадигмы нации как совокупности языковых форм, воспроизводящих категорию ментальности в этническом, социальном, историческом и научном аспектах. Лингвистическая сущность реалий предполагает наличие определенной совокупности признаков, по которым они отмежевываются от других единиц языковой системы, а именно: национальной самобытности, уникальности, безэквивалентности.

Если говорить о семантической стороне лингвокультуры, то она распространяется на ряд разнообразных реалий, которые функционируют в определенных сферах человеческой жизнедеятельности. В. С. Виноградовым разработана тематическая классификация слов-реалий, включающих такие разделы:

1. Бытовая реалия (наименование одежды, жилья, еды, видов труда, денежных средств, народных праздников и музыкальных праздников);

2. Этнографическая и мифологическая реалия;

3. Реалия природного мира (наименования животного и растительного мира, ландшафтных единиц);

4. Реалия государственного строя и общественной жизни (исторические названия и неологизмы);

5. Ономастическая реалия (интересующая нас группа реалий, которая имеет внутреннее деление на антропонимы (имя и фамилия человека как представителя социума, которые нуждаются в подробном описании),

топонимы (наименования местности), имена героев художественной литературы, названия музеев;

6. Ассоциативная реалья (группа реалий, включающая анималистические символы, символику цвета, вегетативные символы, аллюзии в фольклоре, исторических событиях, художественной литературе, в лингвистической системе [Виноградов, 2001: 79].

Разрабатывая непосредственно теорию фразеологических лингвокультурем, вслед за некоторыми языковедами (в частности, известной А.С. Бухонкиной [Бухонкина, 2002: 9]), выделяется их несколько типов, а именно:

1) фразеологическая лингвокультурема реалья, содержащая в своей структуре национальный или культурный артефакт, который понимают как «воплощение определенной культурной формы в конкретном материальном продукте, поведении, художественном произведении, информационном сообщении или оценочном суждении» [Орлова, 2010: Флиер, 2000: 199];

2) фразеологическая сигнификативная лингвокультурема, в которой выражается культурно значимая информация;

3) фразеологическая символично-поведенческая лингвокультурема, выполняющая функцию этикетных формул (обращение, просьба, сравнение, пожелания и т.д.), которые могут выражать определенные ценностные наставления лингвокультуры. Фразеологизмы этого типа могут выполнять роль стереотипов, лежащих в основе национальной культуры, в частности, французского этноса;

4) фразеологическая символично-предметная лингвокультурема, содержащая в своей структуре определенный символ, передающий важную информацию об особенностях видения света той или иной лингвокультурой.

Таким образом, лингвокультуремы можно рассматривать как вербальные репрезентанты национально-культурного концептуального образа речевого сознания, в котором диалектически связаны лингвальный и экстралингвальный смысл.

Еще одним из важных вопросов, возникающих в плоскости лингвокультурологического подхода, является целесообразность отнесения фразеологизмов к культурным стереотипам. В целом целью стереотипов считаются стабилизация и идентификации группировки как одного народа, накопление и налаживание взаимосвязей между социальным и историческим аспектами развития этноса, передача накопленного опыта от носителей одного языка носителям другого или от предков потомкам, защита интересов группы, своей культуры и т. д. (Маслова, А. Chauvin, Bl.– N. Grünig, Ch. Scharira, и др.).

В свою очередь, стереотипизация опыта рассматривается как механизм сохранения и передачи этнической традиции, зафиксированной в системе культурных норм, ценностей и установок. В.В. Красных, в частности, считает, что стереотип, как некоторое представление фрагмента действительности, как фиксированная ментальная картинка, выполняет прескриптивную и предикативную функции, то есть совокупность обязательных, предполагаемых, существенных и устойчивых признаков, интерпретируемых в этносознании понятий, явлений, ситуаций и т. д. [Красных, 2002: 178-183]. В то же время, употребление термина стереотип в отношении фразеологизмов вызывает определенные возражения со стороны ученых. Основанием дискуссий выступает прежде его полисемичность, ведь им пользуются не только лингвисты, но и ученые других отраслей, в частности социологии, психологии, этнографии, культурологии, литературоведения, когнитологии, в результате чего он покрывает довольно разнородные явления.

Так, в социальной иологии (откуда, собственно, он и был заимствован) стереотип применялся преимущественно «в целях описания определенного мнения, закрепленного в обществе за соответствующими явлениями, чаще всего за разными социальными группами и членами этих групп (...) Группе людей стереотипы приписывали те или иные другие положительные или

отрицательные признаки, черты характера, особенности поведения, культурные повадки» [Акимова, 2003: 97].

Анализируя влияние знаний о предмете на его оценку и восприятие, американский социолог Ю. Липпман квалифицирует стереотип как «образ в голове человека и мысли об этом» [Lippman, 1961: 14-16].

Соответственно, осваиваясь в процессе погружения человека в определенный социум и культуру, стереотипы выполняют три основные социальные функции, а именно:

- 1) когнитивную – усвоение определенной схемы помогает людям ориентироваться, кто есть кто;
- 2) аффективную (эмоциональную) – создание установок против других;
- 3) общественное – поддержание внутреннего единства группы относительно других групп.

По мнению Х. Путнам, стереотип является «вербализованным фрагментом знаний, соответствующим культуре»; «конвенционной идеей в обыденном языковом узусе» [Putnam, 1975: 249].

Е. Бартминьский рассматривает стереотип как дискретную единицу концептуализации действительности, способ ментальной корреляции и репрезентации языкового знака [Бартминьский, 2005].

С точки зрения лингвокультурного подхода и с учетом когнитивной лингвистики культурный стереотип представляет собой элементарное психическое явление, возникновение которого обусловлено социокультурными особенностями, он иерархизирован и запечатлен в структуре сознания. Культурный стереотип является фрагментом картины мира, отражающий результат исследования окружающей среды определенной группой людей; матрицей различных событий, предметов и феноменов [Акимова; 2003: 15].

Поэтому квалификация стереотипа как сугубо факта языка или речи, может считаться необоснованной, ведь стереотип – это, прежде всего, структура сознания, которая отражается не только в языковых знаках или

текстах, но и в других семиотических кодах культуры (например, авербальные стереотипы, представленные в ритуалах, искусстве). Такое определение стереотипа перечеркивает вербоцентристский подход к стереотипизации и ставит под сомнение обязательность вербального представления стереотипной когнитивной структуры.

Рассматривая стереотипизацию прежде всего, как когнитивный процесс, который может соответствующим образом отражаться в материальном субстрате языкового знака или другого семиотического кода культуры, А. Акимова и А. Гудавичюс замечают, в частности, что в понимании научной школы Е. Бартминьского стереотипизация отождествляется со стереотипом и приравнивается к значению речевой единицы. На их взгляд, столь широкое толкование стереотипа не является языковым явлением [Акимова, 2003: 98].

Не случайно некоторые ученые разделяют стереотипы на стереотипы-наблюдения, поведенческие и лингвоментальные. Только последние из них имеют вербальные корреляты. Поэтому природа стереотипа не может быть чисто вербальной. Выражая подобное мнение, французский лингвист Fevre-Pernet предлагает четко различать стереотипы-мысли (когда реферируют к верованиям и распространенным устоявшимся мыслям) и стереотипы языка, или лингвальные стереотипы (когда речь идет об описании текстуальной материальной действительности) [Fevre-Pernet, 2009: 3].

Учитывая вышесказанное, мы вполне поддерживаем мнение тех лингвистов, которые предлагают разделить два понятия: стереотип как когнитивно-психический процесс, регулирующий восприятие и познание окружающей действительности, и стереотип как языково-речевое явление, аккумулирующее в себе унаследованный или жизненный опыт.

А. Chauvin, например, предлагает термин вербальные стереотипы, понимая под ними «любую имеющуюся лексическую связь, закрепленную уже в лингвистической практике» [Chauvin, 1993: 27].

Исследуя основные признаки языковых стереотипов, лингвисты называют, прежде всего, образность, упрощенность, схематичность, целостность, оценочность, символичность, субъективность, категоричность. Как видим, большинство из них характеризуют также фразеологизмы, что и обусловило рассмотрение последних среди стереотипов.

Так, о стереотипной природе культурно значимых фразеологизмов говорит В.М. Телия: «Стереотип [являет собой] коллективное воображение, синтезирующее типичные ситуации и свойства (...) стереотип соотносительный с наиболее глубинными ментальными структурами сознательного или внесознательного (...) будучи верболизированным, стереотип расположен над презентующими его дискретными значениями и формами... стереотип как категория симболярия культуры оставляет в них [фразеологизмах] следы в виде устоявшегося воспроизводимого по содержанию и форме рефлексивно-интерпретирующей связи с установками культуры и таким образом придает этим выражениям культурно-мыслительную емкость» [Телия Деконструкция, 1999: 93].

Основным критерием речевых стереотипов Ч. Шапира считает их слитность, которая может породить грамматические выражения (т. е. выражения, которые можно заменить простым лексическим элементом), с одной стороны, и стереотипные выражения (или формулы), с другой. Последние делятся французским исследователем на:

- 1) экспрессивные синтагматические выражения;
- 2) идиоматические выражения;
- 3) стереотипные изречения, к которым относятся паремии (пословицы, поговорки, адажи), апофтегмы, афоризмы, формулы внимательности, ритуальные формулы, рутинные и ситуационные фразы, слоганы [Scharira, 1999: 12-13].

Фразеологический состав языка, как определяет его В. Н. Телия, это «зеркало, в котором лингвокультурное сообщество идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия Русс. фраз., 1996: 9]. Именно на

лексическом и фразеологическом уровнях языковой системы ярче всего проявляется культурная специфика и национальный колорит языка, поэтому значительная часть фразеологических единиц может быть истолкована не только как явление языковое, но и как явление культурное. Система фразеологизмов составляет значимую часть языковой картины мира – картину мира фразеологическую, которую вербально представляют конкретные фразеологические единицы. Они отражают в своей семантике важные этапы развития национальной культуры, сохраняют и транслируют в поколениях культурные традиции, стереотипы, архетипы и ритуалы.

Согласно вышеизложенным соображениям, фразеологизмы толкуют как «лингвокультурологические единицы, в которых отражено мировосприятие того или иного лингвокультурного общества» [Артемова, 2002: 79]; как носителя культурно-национальной коннотации, образная мотивированность которых напрямую связана с мировосприятием народа-носителя языка [Телия Русс. фраз., 1996: 214-215]. Фразеологизмы являются «не только номинативными единицами, но и хранилищем и способом передачи информации о культуре и истории народа» [Верещагин, 1982: 90].

Изучая национальное своеобразие фразеологизмов на основе их фразеологического значения, Ю. П. Солодуб считает, что основу семантики этих языковых единиц составляет фразеологический образ, который, по сути, и сохраняет национальную специфику фразеологизма, известную только одному народу, представителям одной нации [Солодуб, 1990: 58].

Понятие культурной коннотации является значимым для нашего исследования, поскольку изучает «материальную культуру и менталитет, проявляющиеся в языковых процессах» [Телия, 1996: 216]. Иными словами, в исследовательском плане коннотация как олицетворение семантической сущности является соединительным звеном между культурными и языковыми составляющими.

Культурная информация содержится во внутренней форме фразеологизма.

В. М. Огольцев обращает внимание на то, что фразеологизмы обладают культурным компонентом значения, являющимся контрастивным описанием семантической структуры двух или более фразеологических единиц, сопоставимых по семантике и грамматической форме [Огольцев, 1982: 130]. По его мнению, национальная самобытность языка получает наиболее яркое и непосредственное выражение во фразеологии. В языке лучше всего закрепляются и фразеологизируются те участки информации, которые антропонимически обусловлены, поскольку взаимодействие человека с окружающим миром и является двигателем развития речи.

Соответственно, фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, какое отражение имеет исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями, потому что субъект номинации и языковой деятельности – это всегда субъект национальной культуры.

В. А. Маслова отмечает: «Культурную информацию можно получить из внутренней формы фразеологизма, ибо в ней имеются отпечатки культуры...» [Маслова, 2001: 83]. В. М. Телия вводит понятие культурной коннотации, которую она обозначает как «интерпретацию денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1996: 214].

Некоторые лингвисты (А. А. Потебня, А. В. Кунин) связывают внутреннюю форму с термином «образность», поэтому внутренняя форма и является символизирующей образ.

В. М. Телия рассматривает процесс образования фразеологизмов как «введение сочетания слов в метафору» [179, с. 20].

Согласимся с таким мнением В. Телия [Телия, 1996: 55], которая отмечает, что фразеологизмы следует рассматривать как знаки, которые имеют свою особую природу, а это значит, что во фразеологизмах должны быть обнаружены признаки, которые могут объяснить их роль и функции в

языке. Кроме того, В. Телия справедливо замечает о том, что значение фразеологизмов более насыщено разными оттенками – «детальями», чем само значение слова [Телия, 1996: 84–85]. Знаковую специфичность фразеологизмов можно видеть в том, что они являются микротекстами, в которых имеются все типы информации, представленные в свернутом виде, как текст в тексте [Соссюр, 1977: 8].

Тем самым, фразеологизмы имеют двойную знаковую природу: с одной стороны, они являются явлением системы языка, с другой, своеобразной этнокультурной рефлексией говорящего в коммуникативной ситуации, ведь он сознательно или подсознательно соотносит собственное эмоционально-оценочное отношение и ценностную ориентацию с содержанием фразеологизма, а образное содержание – с эталонами и стереотипами культурно-национального мировоззрения и понимания мира.

Для корректного толкования культурной информации, содержащейся во фразеологизме, необходимо обратиться к этимологии языковой единицы, поскольку источники происхождения фразеологизмов в современном языке очень разнообразны. Этимологические исследования помогают в раскрытии культурно– исторической информации. Так, этимология русской поговорки вот тебя, бабушка, и Юрьев день отражает один из эпизодов истории русского народа, связанный с крепостными крестьянами. Возникновение крепостничества касается времен Киевской Руси (IX – XII век). В наше время так говорят, когда хотят выразить чрезвычайное удивление или уныние от того, что неожиданно случилось, о чем только узнали, и это известие отняло надежду, не оправдало надежд.

Стоит также подчеркнуть, что «именно фразеология наиболее ярко передает неповторимую самобытность языка и культуры. Средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание (включающее также культурно маркированные реалии), а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном пространстве» [Тер-

Минасова, 2000: 215]. Фразеологические единицы имеют могут иметь такие особенности: многие народные устойчивые обороты и пословицы отличаются внутренней ритмичностью, иногда подкрепленной рифмой, своеобразной организацией, способствующей их запоминанию, фиксации в сознании как чего-то отшлифованного. Отражает характер национально-культурного мировосприятия и еще одна специфическая черта фразеологии – ее подчеркнутая юмористичность, иронический тон, а иногда и открытый смех относительно человеческих изъянов, бессмысленных ситуаций и действий, которые вне фразеологизма не несут такого же экспрессивного смысла.

Подытоживая, отметим, что фразеологический фонд языка является одним из основных предметов изучения в лингвокультурологии, поскольку во фразеологических единицах сохранена культурная информация – представления народа, мифы, ритуалы, стереотипы, обычаи и т. д., составляющие основу национального менталитета и мировоззрения. В то же время, несмотря на национально-культурную специфику, эти языковые единицы формируют определенного рода подсистему в любом языке, выявляя определенные общие закономерности. Лингвокультурологическое направление во фразеологии, выдвигая на первый план вопрос взаимодействия фразеологического состава языка и культуры, исследует механизмы соотношения во фразеологизмах как языковых знаках собственно языковой и культурной семантики.

1.3 Специфика антропонима как лингвокультурного феномена в составе фразеологизма

Как известно, антропонимика является частью ономастики. Антропонимика изучает систему имен собственных. К практическим задачам антропонимии можно отнести:

– кодификацию имен и фамилий, нормирование правил передачи иноязычных имен собственных в самом языке;

– воспроизведение антропонимов средствами иностранных языков, как, собственно, и английского.

Кроме этого, антропонимия занимается решением определенных юридических вопросов, связанных с документальной фиксацией полных имен людей [Нахимова, 2007: 43]. Антропонимическая система каждого народа составляет немаловажную часть лексики каждого языка.

Новая фразеологическая парадигма характеризуется пристальным вниманием к компонентному составу фразеологизмов, к концептуальному идеографическому анализу культурной специфики фразем, изучению фразеологической картины мира, опирается на антропоцентрический принцип рассмотрения языковых явлений относительно человеческого фактора в языке.

Формирование, историческое развитие и особенности функционирования антропонимов тесно связаны с религиозной, культурой, традициями народа, поэтому антропонимия является источником исторических, религиоведческих, этнографических, культурологических и других исследований.

Антропонимия наряду с топонимикой выделилась в отдельную отрасль ономастики в 60-70-х годах XX ст. До этого для обозначения антропонимии в научных трудах часто употреблялся термин «ономастика». Антропонимы обозначают собственные названия людей, однако они также относятся к разным категориям имен [Доспанова, 2017: 712]. Это объясняется развитием и историей культуры народа, особенностями психологии людей, традициями и т. д.

Анализ работ, посвященных ономастичной фразеологии, показывает, что симбиоз сопоставительного и лингвокультурологического анализа позволяет обеспечить выявление культурных доминант и различий в жизни

отдельных лингвокультурных сообществ, что помогает лучше постичь собственную культуру и менталитет.

В истории быта и культуры народа имена отражают представления и фантазии людей [Лосев, 1990: 11].

Как известно, все слова, в том числе и антропонимы имеют внешнюю оболочку – звуковое оформление и написание – по которым их распознают и автоматически воспроизводят в речи. В то же время, они имеют и собственную внутреннюю форму, в которой может содержаться культурная информация, в которой отображается их происхождение и по которой можно установить связи с другими словами и понятиями. Внутренняя форма слова выступает как комплекс мотивационных признаков, которые являются основанием для наименования.

Мотивация слов в целом издавна интересовала не только лингвистов, но и психологов, логиков, философов; еще в античности конкретное явление рассматривали как проявление внутренних общих принципов мироустройства.

Наиболее продуктивным оказалось толкование внутренней формы слова Платоном. Он отмечал, что слово, кроме своего значения и звуковой формы, имеет еще одну характерную особенность – идею, образ, и, что со временем образ может затемняться, стираться, становится понятным, что это приводит к потере словом функции отражения. Платон разделял слова на первичные и вторичные аналогично словам-основам и производным, причем считал, что объяснить внутреннюю форму первичных слов невозможно.

Согласно А. Потебне, внутренняя форма слова является «образом имени», «ближайшим этимологическим значением слова, тем средством, которым выражается содержание» [Потебня]. А. Потебня считал, что внутренняя форма слова – элемент памяти языка, в котором отображается первая связь слова и предмета, им обозначенного. Он отмечал, что когда речь идет о словах, которые возникли давно, то для объяснения внутренней формы слова следует обращаться к этимологии, то есть научному

толкованию происхождения слов в связи с другими языками, а также речью. Внутренняя форма слова для производных слов выражается в их историческом этимоне.

Следовательно, этимология антропонима позволяет определить его культурную коннотацию. Так, в немецком языке есть женское имя Цанктиппа, буквально – «сварливая лошадь». Чтобы понять происхождение этого имени, надо знать, что этим его является древнегреческое имя Ксантиппа, по созвучности греч.ксант с ним. цанкен – «спорить, ссориться».

Ксантиппой звали жену Сократа, известную своей ворчливостью и сварливым характером. Во многих языках это собственно имя стало общим словом, обозначающим сварливую жену.

Славянское имя Боголюб возникло от основ слов со значением «Бог + любить» – перевод греческого имени Феофил.

Васой – производное у южных славян, Василий – производное у восточных славян от греческого Василиос: базилиос – царский.

Славянские имена Всеволод, Всемир, Всеслав образовались от основ слов со значением «все+владеть/милый/слава».

Южно-славянское имя Данко является производным от имени Дан, которое

1) по происхождению является древнееврейским и имеет значение «Бог оправдал»;

2) является сокращением от имен Богдан, Даниил, Иордан и т. д.

Этимонами имени Ричард являются древнегерманские основы слов «рик» – богатый, могучий и «хард» сильный, твердый [Телия, 1993].

Последователи А.Потебни отождествляют внутреннюю форму слова со значением или его частью в зависимости от степени производности наименований, а также считают манифестантом мотивированности производных слов как обусловленности связи форм и значений дериватов и их мотиваторов. Дискуссионна проблема места внутренней формы слова в словообразовательных студиях, ведь их называют даже инвариантом

словообразовательной микросистемы, сравнивают со словообразовательной структурой. Однако внутренняя форма слова может быть связана со значением мотивированного слова и его структурой довольно опосредованно, через комплекс ассоциаций, оценок, ощущений, образов, сценариев сознания.

Сравнение внутренней формы слов разных языковых культур доказывают высказанные А. Потемной положения: в каждом конкретном случае любой признак номинации запечатлевает актуальные для национального сознания социума признаки предмета наименования, которые были важны на момент рождения названия. Общее в первичной мотивации содержат не только отдельные слова, но и фразеологические единицы.

Имя – официально присвоенное название индивида с целью выделить его из ряда подобных людей. Антропонимы называют, но не придают каких-то черт, качеств, потому что нет уникальных имен, которые были бы созданы для каждого отдельного человека. Через понятийные значения они передают представление социума о категории класса объектов через определенные свойства.

К примеру, антропонимы отражают этнонациональность языкового сообщества, то есть для разных территорий популярны определенные имена: англ.: *Jack, Tom, John*; нем.: *Hans, Grete, Kathrin*; русс. *Иван, Фома, Мария*.

Они указывают на разграничение по полу: мужские имена: англ.: *Jack*; нем.: *August*; женские имена: англ.: *Jill*; нем.: *Emma*; русс. *Варвара* [Ермолович Имена, 2001: 10].

Среди имен собственных выделяют сингулярные (единичные) и плюральные (множественные) [Ермолович Имена, 2001: 39].

Единичные антропонимы ассоциируются в обществе с известными людьми, чьи имена не нуждаются в сопроводительном контексте уточняющего характера, и они известны во многих языковых сообществах. Эта группа включает имена исторических фигур, политиков, художников, певцов и других выдающихся людей: Теодор (ассоциация (вербально

выраженная связка, возникающая у индивида), – Рузвельт), Адольф (ассоциация – Гитлер), Марк (ассоциация – Твен).

Имена, принадлежащие многим людям, не соотносятся с какой-то конкретной личностью, не вызывают ассоциаций и употребляются вне языкового контекста, называются плюральными антропонимами [Ермолович, 1978: 115]. Они отражают этнические признаки и территориальную принадлежность имени через ядро значения: англ. *Leah, Conway*; нем.: *Alrik, Chiara*; русс. *Кира, Владимир*.

Со временем плюральные собственные имена превращались в имена, то есть в обобщенные названия, через вторичную номинацию и, обозначая определенное явление, определенную черту характера человека, становились средством типизации и описывали характерные особенности целого лингвокультурного сообщества.

Итак, многие собственные имена из повседневного обихода переходили, органически впитывались в живую фольклорную стихию, становясь лексическим украшением народных афоризмов: англ. *Joe Miller* (бородатый анекдот); нем.: *Grüne Minna* (полицейская машина); русс. *Иван-дурачок*.

Рост семантической активности антропонимического компонента фразеологизм наблюдается по причине их метафоричности, метонимичности и каламбурности, где антропонимы – носители экстралингвистической информации.

В антропонимической системе выделяют следующие виды антропонимов:

1. Личные имена, т. е. имя, данное человеку при рождении.

Например: *John, Peter*;

2. Патронимы – имена отчества. В большинстве языков, в частности, в английском традиционно не используются патронимы. Однако в славянском антропонимическом лексиконе они считаются неотъемлемой частью антропонимической идентификации человека.

3. Фамилии, представляющие собой родовое или семейное наименование, передаваемое детям и внукам.

Например: *Brown, Smith*.

4. Родовые имена – считаются более важными, чем фамилии: когда женщина выходит замуж, то она меняет свою фамилию, а родовое имя остается неизменным.

Например: *Ms*.

6. Прозвища, псевдонимы, имена животных.

Прозвище– дополнительное имя, предоставляемое человеку окружающими с точки зрения характерных черт характера, внешности или благодаря профессиям и различным жизненным обстоятельствам.

Псевдоним– имя, используемое человеком вместо настоящего в той или иной публичной деятельности. Противоположное псевдониму подлинное имя автора называют «автоним».

7. Криптонимы, антропонимы литературных произведений, герои в фольклоре, легенд.

Криптонимы – это так называемые скрытые имена. Криптонимы часто относят к псевдониму, не допускающему возможности отождествить с ним то или иное конкретное лицо; иными словами – имя, рассчитанное на то, чтобы скрыть подлинного автора произведения.

8. Этнонимы, являющие собой антропонимы, образованные от названия наций, народов или народностей. Например: *Londoner*.

9. Технонимы – статусные имена человека – *Ms, Mrs*. [Суперанская, 2009: 125].

В свою очередь, фразеологические единицы с антропным компонентом отражают культурно-исторические особенности, традиции, верования, ценностные ориентации, моральные идеалы и познавательный опыт народа, то есть национально-культурное богатство, которое накапливалось на протяжении веков [Лосев, 1990: 33] и передается следующим поколениям.

Имена собственные в составе фразеологизмов составляют значительный массив усложненных языковых знаков с актуальностью содержания, народностью, несложностью грамматического оформления и стиля с мистическим разнообразием [Ковшова, 2008: 62], что находит свое отражение в лингвистических исследованиях последних лет.

Так, на современном этапе уже:

1) исследованы структурные и функционально-семантические особенности собственных названий современного немецкого языка; сопоставлены антропные фразеологизмы русского, татарского и английского языков [Дарзаманова, 2002: 7];

2) выявлены алломорфные и изоморфные черты в лексико-семантическом функционировании антропонима в составе фразеологизмов в английском языке в сопоставлении с русским, татарским и французским языками [Загирова, 2003: 9].

Английские фразеологизмы с антропонимическим компонентом как культурно маркированные языковые единицы играют особую роль в формировании национальной речевой картины мира и концептуализации мира, транслировании национально-культурной информации, реализации кодов культуры. Благодаря антропонимической составляющей усиливается эмоционально-экспрессивная окраска фразеологизмов, их стилистическая направленность.

Закрепление ассоциативных значений, возникновение коннотаций в семантической структуре фразеологизмов, в составе которых имеются имена, формирует национально-культурный процесс. Введение в структуру фразеологических единиц имен, фамилий, прозвищ исторических фигур, мифологических и библейских персонажей, писателей предыдущих эпох и героев их произведений и т. п. отмечено глубинными смыслами и интенциями.

Обращение к именам проясняется при условии владения фоновыми знаниями национальной культуры, истории народа и т. п.

Источниками происхождения фразеологических единиц можно считать следующие: история, традиция, литература, Библия, мифология, фольклор, литература, культура, быт, традиция.

Антропонимы формируют ядро национально-культурной семантики в семантической структуре английских фразеологических единиц, способствуя метафорическому переосмыслению прошлого опыта английского народа. Наделенные значительным ассоциативным потенциалом, антропонимы играют важную роль в организации фразеологизмов и реализации в них различных интенций.

Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом являются одним из средств игровой стратегии и речевой игры. Интерпретация различных смыслов этих единиц зависит от культурной компетенции реципиента, его культурного опыта, что должно предусматривать мгновенное «прочтение» фразеологического содержания.

Значение фразеологизма в сочетании в себе и воспроизведение определенного фрагмента окружающей действительности, и отношение говорящего к нему. Соответственно, оценка является неотъемлемой составляющей фразеологизмов, отражающих ассоциативную базу говорящего при выражении оценки.

В составе фразеологических единиц на английском языке антропонимы выполняют различные функции:

- обеспечивают образность;
- усиливают выраженность;
- расширяют границы речевой игры;
- участвуют в создании образов;
- создают коннотативные оттенки;
- в организованной форме передают отношение;
- обеспечивают лаконичность изложения информации и т. д.

Английские фразеологизмы с антропонимическим компонентом как культурно маркированные языковые единицы играют особую роль в

формировании национальной языковой картины мира и концептуализации мира, а также в реализации кодов культуры, транслирующих национально-культурную информацию.

Фразеология содержит культурно-ценностную информацию, хранящуюся в семантике ее языковых знаков. Национально-культурная маркировка обусловлена географическими, историческими, этнокультурными и другими факторами. Исследование фразеологизмов с национально-культурной точки зрения позволяет выявить самые разные системные связи в изучаемом языке, а также проанализировать особенности культуры ее носителей, что позволяет раскрыть общие и специфические характеристики национальной специфики.

Е.Нахимова рассматривает вопрос классификации имен собственных следующим образом: «В этом случае выделяются феномены:

- глобальнопрецедентные (например, имена *Дон Кихот*, *Отелло* и *Наполеон Бонапарт* известны в самых разных странах);
- национально-прецедентные (которые активно используются по большей части в одной стране);
- социально-прецедентные (не имеющие общенациональной популярности, но используются в некоторых социальных, профессиональных, возрастных или других группах).

Значительная прослойка ономастической лексики вошла в состав фразеологических единиц в связи с распространением христианства. В первую очередь, ими являются имена библейских и евангельских персонажей. Они принадлежат к межнациональным единицам:

- *since Adam was a boy* (от Адама и Евы);
- *doubting Thomas* (Фома неверующий);
- *(as) old as Methusealah* (стар как Мафусаил), *poor as Job* (бедный как Иов);
- *out-Herod Herod* («переигрывает самого Ирода» – переусердствовать);

– *Juda's hair* (рыжие волосы);

– *the curse of Cain* (Каиновая печать).

Выражение *Adam and Eve's stogs* (костюм Адама и Евы) связано с библейской историей о пребывании Адама и Евы в Раю.

К Ветхому Завету отсылает также фразеологизм *an Adam's apple* (яблоко раздора).

К христианской тематике отсылают фразеологические выражения *Judas/a Judas kiss* – *Иудин поцелуй/поцелуй Иуды*. Всем известна история о том, как Иуда поцеловал Христа, но при этом продался за 30 серебряников и предал учителя. О чем-то необычном, неожиданном, неожиданном говорят, употребляя фразеологизм *appearance of Christ before the people* (явления Христа перед народом).

Вторую группу составляют фразеологические соединения, связанные с именами античности. Такие выражения чрезвычайно распространены, продуктивно употребляются в речи образованных людей, поскольку при назывании античных героев должны возникнуть определенные ассоциации. Понимание таких фразеологизмов возможно при ознакомлении с литературными источниками об античности.

Упоминание об Ахилле (герое античности) наблюдаем во фразеологизме *Achilles' heel* (Ахиллесова пятка). Известен миф о том, что этот герой имел только одно уязвимое место – пятку, куда и попала стрела. Фразеологизм функционирует в разных вариантах: *Achilles' heel / the heel of Achilles (the one and only weakness but a fatal one)*.

В мифах о подвигах Геракла упоминается царь Авгий, приказавший Гераклу очистить его конюшни от груды навоза. Фразеологизм *Augean stables* (Авгиевы конюшни) употребляют, когда говорят о явлении накопления чего-то неприятного или грязного, или о какой-то чрезвычайно трудоемкой работе, не имеющей конца, которую невозможно выполнить.

С мифами о подвигах Геркулеса связано и выражение *Hercules' labour* (Геркулесова работа), которое обобщенно называет тяжелую или непосильную работу.

Выражение *arms of Morpheus* (объятия Морфея) означает «спокойный, сладкий сон». Сын бога сна Гипноса (бог сновидений Морфей) появлялся во сне в образе человека с крыльями и ассоциировался со спокойствием.

Большинству говорящих известна история о Диогене – древнегреческом философе, жившем в IV в. до нашей эры. Диоген Синопский принадлежал к школе философов, основой учения которых было сведение всех потребностей к минимуму. Он все доводил пренебрежение к быту, довольствуясь только самым необходимым. По преданию, Диоген жил в бочке, считая дом излишней роскошью. Итак, выражение *Barrel of Diogenes* (бочка Диогена) с антропонимом Диоген имеет несколько значений:

- аскетическое, неприхотливое жильё;
- добровольная изоляция от внешнего мира;
- символ того, что можно довольствоваться тем, что имеешь.

С древними мифами связаны фразеологизмы с антропонимом Валтасара. Выражение *Belshazzar's feast* (Валтасаров пир) означает веселую, беззаботную жизнь перед великим несчастьем.

Антропоним Гименей называет древнегреческого бога супругов, брака. Фразеологизм *bond of Hymenaeus* (нута Гименя) имеет значение супружеских, брачных отношений.

К третьей семантической группе отнесены фразеологические выражения, связанные с литературными антропонимами. В художественных текстах автор создает вымышленный антропонимикон, составляющие которого нередко выполняют функции характеристики героя, стилистическую, служат средствами юмора и сатиры. Такие антропонимы обладают прозрачной мотивацией и апеллируют к фоновым знаниям читателя, прецедентным именам и ситуациям.

На обозначение хвастуна, веселого лжеца, иногда теряющего ощущение к бою за правду (иногда с вымышленным противником), употребляется фразеологизм с антропонимом *Don Quixote* (*Дон Кихот*).

Mozart and Salieri (*Моцарт и Сальери*), *Othello and Desdemona* (*Отелло и Дездемона*), *Scrooge McDuck* (*дядюшка Скрудж*) – эти фразеологические выражения содержат в своем составе прецедентные имена, связанные с литературными источниками.

В лингвокультурологии отмечается и музыкальная основа, присутствующая в пословицах и поговорках с именами собственными, она создается под влиянием игры слов, обусловленной явлением паронимии антропонимов. Имея рифму, слова приобретают новое значение, подвергаются разнообразным ассоциациям, получают дополнительное специфическое содержание, распространившееся за пределы фольклора:

– англ.: *Plain Jane* (*некрасивая женщина*); *Dirty Dick* (*неряха*); *Tearful Tilly* (*плакса*); *Even Steven* (*все равно*);

– нем.: *Lischchen Müller* (*глупая женщина*); *keinen Ton nichtmal, Anton!* (*не шумите*);

– русс. *Фома музыку понимает, а Ерема танцевать умеет; ни в городе Иван, ни в деревне Селифан; добр Мартын, когда есть алтын.*

В английском, немецком, русском и других языках компонент имя в составе фразеологизма может указывать на сходство между людьми:

– англ.: *the same old Coaxer but in a different coat*;

– русс.: *та же Марья, да в другом сарафане.*

Совместными значениями фразеологизмов с антропным компонентом для различных языков могут быть особые характеристики людей, т. е. их непохожесть. К примеру:

– нем.: *HinzundKunz*;

– русс.: *На всякого Егорку есть поговорка.*

Ряд фразеологизмов с антропонимами в разных языках содержат иронию, шутку, а иногда насмешку, указывая на умственную ограниченность:

– англ.: *Tom Fool*;

– нем.: *Hans Dumm; blöder Heini*;

– русс.: *был Иван, а стал болван, а все винцо виновато.*

Совместное значение таких фразеологизмов с антропным компонентом для сопоставляемых языков – лень:

– англ.: *Laurence bids wages Bertie Wooster*;

– нем.: *einfauler Heinz*;

– русс.: *бедному Савке нет покоя ни на печи, ни на скамейке: на печи пекут, на скамейке секут.*

Имена могут коннотировать значение забывчивости, невнимательности в составе фразеологизмов разных языков:

– нем.: *ein vergessliches Lieschen; Hans Guckindieluft*;

– русс.: *Андрей ротозей.*

Фразеологизмы с антропным компонентом могут описывать и положительную черту характера – отважность в разных этнокультурных сообществах:

– англ.: *as game as Ned Kelly*;

– нем.: *doller Otto; rangehen wie Blücher*;

– русс.: *Аверон не боится ворон, а на галки есть палки.*

Фразеологизмы, в состав которых входят антропонимы, составляют особо колоритный слой каждой национальной фразеологической системы. Характерной особенностью антропонимов как компонентов фразеологизмов является способность обобщать определенные характеристики. Когда имена собственные типизировались под влиянием фольклорных произведений, возникли фразеологизмы, где антропонимы приобрели эмоционально-оценочный характер и начали выступать как общие названия.

Культурно-исторические трансформации, как правило, отражаются в языковом пространстве и, чаще всего, языковыми реалиями, отражающими специфику определенных изменений в динамике, обогащают и постоянно пополняют языковую систему, а именно таковы и фразеологические единицы, в частности содержащие антропоним в своем составе. Развитие представлений народа отражаются в развитии словарного состава, именно поэтому лингвистические и социальные вопросы, связанные с развитием, обогащением словарного состава, всегда были в центре внимания языковедов.

Исследование этих вопросов позволяет понять тенденции развития языка вообще, заглянуть в его будущее, осветить проблему «язык и его среду». Следовательно, можно говорить о том, что развитие словарного состава, в частности фразеологизмов, как раз и отражает процесс приспособления языковой системы к новым потребностям коммуникации в связи с усложнением среды.

По мнению А. В. Костина [Костин, 2002: 18], лингвокультурологический подход к исследованию языковых реалий опирается на идею о кумулятивной (накопительной) функции языка, благодаря которому в ней отражается, сохраняется и передается опыт народа, его мировоззрение и мироощущение.

Согласно этому утверждению, язык – это универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни. Следовательно, фразеологизмы, содержащие антропонимы, отражает культурно значимые стороны человечества.

Таким образом, фразеологизм с антропным компонентом могут указывать на конкретную личность или объект, вызывая у представителя определенной культуры ассоциации, стереотипные представления, связанные с историческими событиями, традициями, реальными носителями имени.

Благодаря вторичной номинации и абстрактности происходит ослабление семантики фразеологизма и указательного значения.

1.4 Особенности перевода англоязычных фразеологизмов с антропонимами на русский язык

Перевод как особая форма деятельности человека характеризуется умелым объединением когнитивной обработки оригинального текста и осуществление работы по созданию авторского текста на целевом языке, содержательно близкого к исходному. Перевод отличается от написания оригинального произведения тем, что при создании авторского текста путем использования определенных стратегий перевода, специалист ориентирован не на порождение произведения с отображением его собственных размышлений, но на порождение произведения, в котором сохранен максимально возможный массив информации исходного текста.

Важно отметить, что «фразеологизмы, отличающиеся национально-культурной коннотацией, переводить еще сложнее, потому что картины мира разных народов могут отличаться друг от друга» [Ван Суян, 2020: 334].

При переводе чрезвычайно важным является сохранение эквивалентности. Часто под этим термином подразумевают минимизацию относительного различия в содержательном, смысловом, семантическом, стилистическом и функционально-компонентном аспектах информационных данных, которые свойственны исходному тексту [Шамова, 2005: 172].

Перевод считается эквивалентен оригиналу в том случае, если сохраняется близость в восприятии данных, отраженных в текстовом массиве, включая и ту, которая целенаправленна не только на когнитивную обработку, но и на воздействие на эмоциональное состояние читателя и которая не выражена в тексте эксплицитным образом, однако читатель

переживает определенные чувства или узнает новые факты при ознакомлении с подтекстом.

Основными факторами эквивалентного перевода становятся:

- 1) условия создания исходного текста;
- 2) специфика его передачи посредством переводческой деятельности.

Фразеологические единицы представляют особую сложность для перевода, поскольку для них характерны:

- разнообразность семантических структур;
- образность;
- национально-культурная специфика [Горденко, 2008: 29];
- стилистический окрас.

Указанные характеристики приводят к тому, что переводчику приходится выискивать наиболее приемлемые способы передачи информации.

Важная информация, содержащаяся в тексте оригинала, не может быть потеряна во время перевода, а также нельзя произвольно ее изменять. Очевидно, что основной вид перевода, который, прежде всего, используется в работе с фразеологизмами с антропонимами, это адекватный перевод, но при этом в тексте возможны элементы буквального и дословного перевода.

Дословный или прямой перевод, при котором существенно не меняется конструкция, а также порядок слов иноязычного предложения, может использоваться, если в языке перевода существует подходящий вариант наименования в оригинальном предложении. Но чаще всего в языке перевода – русском языке – отсутствуют синтаксические конструкции характерные для английского языка, используемые во всем тексте. То же касается и лексического материала.

Возможны также элементы свободного или описательного перевода, если в языке перевода нет соответствующего эквивалента слова/фразы или приемлемого варианта перевода той или иной синтаксической конструкции [Подкорытова, 2016: 510].

Грамматическая структура предложения достаточно часто вызывает затруднения при переводе. В таком случае нужно попытаться понять общее содержание предложения (т. е. о чем идет речь), что поможет разобраться со структурой предложения и окончательно прояснить его содержание.

Качество перевода зависит как от знания языка, так и профессиональных знаний того, кто делает перевод. Главная форма научного перевода – это письменный перевод. Остальные виды перевода научного текста являются его сокращенными вариантами.

Большинство научной литературы переводится на родной язык в форме полного письменного перевода. Перевод необходимо редактировать в научном и литературном аспекте, соблюдая единую терминологию и стандартные сокращения и обозначения.

При этом следует помнить о характерной многозначности многих фразеологизмов, которые в зависимости от области применения могут иметь разные значения [Лайпанова, 2017: 175].

В языке перевода могут существовать также два или более эквиваленты фразеологизма языка оригинала. Если эти соответствия являются равноценными, задачей переводчика в таком случае является выбор наиболее удачного соответствия для конкретной коммуникативной ситуации или определенного типа текста.

Различие в принципах и практике воспроизведения английских антропонимов во фразеологической системе, а также других категорий ономастикона, который наблюдается в электронных СМИ, периодических, книжных и словарных изданиях и т. п., все возрастает. Часто различия наблюдаются в рамках одного издания либо текста. Это явление имеет ряд объективных и субъективных причин. Наиболее главным объективным фактором можно считать глобализацию.

Субъективных причин орфографического несоответствия достаточно много. Прежде всего – это низкий уровень графической дисциплины применения ведомственных правописных «стандартов». Ряд вопросов,

связанных с воспроизведением имен собственных, получил неполное или противоречивое освещение в действующем ныне правописании.

В первую очередь отметим некоторые особенности структуры английского имени в фразеологизмах. Обычно они состоят из:

- имени собственного, имеющего в английской терминологии несколько равнозначных названий (*first name, given name, Christian name*);
- фамилии (*last name, surname, family name*).

В состав имени может также входить так называемое «среднее имя» (*middle name*). Его наличие или отсутствие зависит от семейной традиции носителя имени, а также от моды, нередко оказывающей ощутимое влияние на родительский выбор при регистрации новорожденного.

Как отмечает Д. Кристал, в американской ономастической традиции среднее имя в основном приобретает вид аббревиатуры (*ibid*), который может быть самостоятельным компонентом и представлять не одно, а несколько имен, чем-то близких или нравящихся родителям ребенку.

Таким образом, *middle name* фактически превращается в *middle initial* (средний инициал) иногда полностью лишен ономастического или лексического наполнения. Однако фразеологические единицы с употреблением среднего имени практически не встречаются.

Как полагают С. И. Влахов и С. П. Флорин, фразеологизмы необходимо переводить:

- А) фразеологически;
- Б) не фразеологически [Влахов, Флорин, 2017: 59].

Это подразумевает перевод с использованием подобного фразеологизма в тексте перевода или использование других средств, которые считаются нефразеологическим переводом.

Согласно А. В. Кунину, передать содержание фразеологизма можно с помощью:

- 1) полного или неполного фразеологического эквивалента;
- 2) фразеологического аналога;

- 3) калькирования;
- 4) описательного перевода;
- 5) контекстуальной замены [Кунин, 1996: 15-18].

Л. К. Латышев выделяет следующие способы перевода фразеологических единиц:

1. Транскрипция и транслитерация – это способы перевода лексики исходного текста путем ее воспроизведения ее по буквенному составу. Транскрипция направлена на адаптацию звукового состава иностранного слова, а транслитерация – на его графическую передачу. Эти методы используются для не только передачи антропонимического компонента, но и географических названий, названий учреждений, улиц, гостиниц, газет, журналов.

Поскольку фонологические системы языков разные, то может идти речь о максимально приближенном, а не полном воспроизведении той фонетики имени, которую оно имеет в оригинале. Транскрипция в количественном отношении может превосходить остальные способы воспроизведения имен собственных. В некоторых случаях при невозможности воспроизведения английской фонемы прямым аналогом используется комбинированный транскрипционно-транслитерационный подход.

Главным принципом транскрипции имен собственных считается соблюдение строгости однозначного соответствия знаков и букв. Имеется в виду, что:

- А) для каждого из звуков отвечает определенный знак;
- Б) знаки используются в соответствии с принципом наличия одного, обязательно неизменного значения, обозначаемого определенным звуковым комплексом;
- В) у каждого звука имеется только одна форма обозначения.

2. Калькирование – это способ перевода, заключающийся в передаче безэквивалентной лексики и фразеологических единиц посредством замены

их составных частей – морфем лексическими аналогами [Латышев, Семенов, 2003: 57];

3. Описательный перевод заключается в передаче значения лексической единицы посредством замены ее составляющих развернутыми словосочетаниями, раскрывающими существенные признаки этой лексической единицы. Он используется для передачи безэквивалентной лексики. Он хотя и раскрывает содержание лексической единицы исчерпывающе, но он громоздок и иногда небрежен;

4. Приближенный перевод – заключается в подборе приближенных по значению аналогов в языке оригинала для лексической единицы языка перевода. Этот способ, как правило, используется при переводе безэквивалентной лексики [Латышев, Семенов, 2003: 62].

При анализе фразеологизмов с антропонимами, обратим внимание на их разнообразие и потенциальные способы перевода:

1. Фразеологизмы, в состав которых входит имя античного героя. Это может быть имя античного бога или богини, имя античного мифологического героя или персонажа, имя античного исторического деятеля. Такие фразеологические единицы взяты из литературы древней Греции или Рима. Например:

1) *the cup of Circe* – бокал, напиток Цирцеи, который обращает людей на других существ [этим.миф.];

2) *Achilles' s pear* – нечто, что ранит и исцеляет [этим.миф.];

3) *the cask of Danaides* – бочка Данаид, бочка, не имеющая дна [этим.миф.];

4) *Lares and Penates* – лары и пенаты; то, что придает комфортную атмосферу в доме (в староримской мифологии они считались богами-покровителями домашнего очага);

5) *the bed of Procrustes* – прокрустовое ложе; мерка, под которую искусственно подгоняют явления и факты, извращая их [этим.миф.];

6) *the torments of Tantaus* – мучения Тантала; танталовые мучения; нестерпимые страдания, вызванные созерцанием желаемой цели и осознанием невозможности ее добиться [этим.миф.];

7) *the thread of Ariadne* – нить Ариадны; указатель, способ, который способствует быстрому решению сильных затруднений или проблем в различных сферах [дочь критского царя, которая предоставила Тесею клубок, и таким образом он смог найти выход из лабиринта].

2. Фразеологизмы, в состав которых входит библейское имя, то есть фразеологизмы, взятые из Библии. Например:

1) *as poor as Job* – беден как Иов; нищенский, нуждающийся [этим.библ.];

2) *Judas kiss* – поцелуй Иуды; поцелуй, совершаемый предателем [этим.библ.];

3) *Joseph's coat* – богатая одежда; почётная одежда [этим.библ.];

4) *doubting Thomas* – скептик; Фома неверен [этим.библ.];

5) *The curse of Cain* – проклятие Каина [этим.библ.]);

6) *Bow the knee to Baal* – создать себе кумира; поклоняться идолу [этим.библ.];

7) *Adam's apple* – отрицательное яблоко; кадык(17).

3. Фразеологизмы, в состав которых входят имена литературных героев, то есть фразеологизмы, заимствованные из произведений англоязычной литературы и литератур народов мира. Например:

Jack Horner – самодовольный напыщенный мальчишка [выражение, связанное с детской поэзией:

Little Jack Horner,

Sat in corner,

Eating a Christmas pie,

He put in his thumb,

And he pulled out a plump,

And said, 'What a good boy am i!'];

4. Фразеологизмы, в состав которых входят имена известных исторических деятелей в различных областях человеческой деятельности. Эту группу фразеологизмов можно назвать «фразеологизмом с прецедентным для английской лингвокультуры именем компонентом». Приведем примеры таких фразеологизмов:

1) *the admirable Crichton* – ученый [имя шотландского ученого XVI в., который стал магистров еще в подростковом возрасте];

2) *Jack Ketch* – палач [по имени английского палача XVII в.].

5. Группа других фразеологизмов, в состав которых входит собственное имя человека. Это может быть фразеологизм, употребляемый в разговорной речи, в какой-то отдельной сфере деятельности, например военной. Приведем примеры:

1) *Joe Blow* – амер., воен., жарг. – солдат;

2) *Jack Raw (Johnny Newcome)* – сл. новичок; воен., жаргон. – новобранец ;

3) *Jack of both sides* – двурушник; человек, пытающийся служить многим;

4) *Brown, Jones and Robinson (Tom, Dick and Harry)* – Браун, Джонс и Робинзон; простые, обычные, рядовые англичане; каждый человек; любой человек.

Часто при переводе фразеологизмов с антропонимами используется комбинированный перевод. Однако может встречаться и эквивалентный перевод, перевод с помощью аналога или дословный перевод (или их комбинации), сопровождающийся переводческими разъяснениями: откуда заимствован соответствующий фразеологизм, какое он имеет значение, где впервые он был употреблен и т.д.

Например: *Sally Lunn* – сдобная булочка [по имени женщины-кондитера конца XVIII в.].

Как видим, в вышеприведенном примере исходный фразеологизм переданы с помощью комбинированного перевода, включающего описание

значения фразеологизма и разъяснение его происхождения – из литературного произведения (детской сказки) и имени известного кондитера. Имя не воспроизводится при переводе, но значение самих фразеологизмов благодаря применению комбинированного перевода раскрыто полностью.

Jack Ketch – палач [по имени английского палача XVII в.].

В этом примере перевод осуществлен с помощью лексического перевода и разъяснительного перевода, представленного в квадратных скобках, раскрывающего происхождение вышеприведенного устойчивого словосочетания слов. Название при переводе не воспроизводится.

Nosey Parker (PaulPry) – человек, который всюду сует свой нос, слишком интересный человек (PaulPry – главное действующее лицо в комедии Дж. Пула (J.Poole, 1786–1872) 'PaulPry');

Head – идея фикс, навязчивая идея [по роману Ч. Диккенса (Ch. Dickens, 1812–1870) 'David Copperfield'].

Преимущественно во всех случаях при передаче фразеологических единиц с антропонимическим компонентом, взятым из литературных произведений, собственное название не воспроизводится в переводе.

Сам фразеологизм передается с помощью комбинированного перевода, содержащий описание значения исходного фразеологизма и разъяснения его происхождения в квадратных скобках. Все это продемонстрировано вышеприведенными примерами.

Barmecide dinner – банкет, который беден на еду и напитки; ложное благодеяние [в серии сказок «Тысячи и одной ночи» упомянуть момент, когда богач Бармакид пригласил к себе на обед бедных людей и попросил накрыть блюда без еды].

В вышеприведенном примере фразеологическая единица содержит собственное имя одного из героев сказок, не воспроизводимое в переводе. А сам фразеологизм передается посредством сочетания описательного перевода и разъяснительного перевода, раскрывающего происхождение соответствующего устойчивого сочетания слов.

Jack Sprat – карлик, ничтожество взятое с детского стихотворения:

Jack Sprat could eat no fat,

His wife could eat no lean;

And so it was,

Besides them both,

They licked the clean platter].

В этом примере комбинированный перевод включает сочетание лексического перевода, то есть перевод фразеологизма с помощью одного слова и разъяснительного перевода, который раскрывает происхождение фразеологизма из детского стишка. Имя собственное при переводе не сохраняется.

Лексический перевод раскрывает значение исходного фразеологизма [Подкорытова, 2016: 510], однако в переводе не сохраняется одна из основных характеристик фразеологизмов – его постоянство, поскольку в случае лексического и описательного перевода в языке перевода мы уже не имеем дела с постоянным сочетанием слов.

Aladdin's lamp – волшебная лампа Аладина (талисман, который способен исполнить любое желание[выражение происходит из знаменитой на весь мир сказки «Аладин и волшебная лампа» из книги «Тысяча и одна ночь»; Аладин потирал свою лампу, а далее появлялся джин, который был способен исполнить любое из его желаний]).

В вышеприведенном примере перевод фразеологизма осуществлен посредством сочетания дословного перевода (имя собственное сказочного героя передается с помощью традиционного ономастического аналога), описательного перевода в круглых скобках, описывающего значение исходного фразеологизма, и разъяснительного перевода, объясняющего этимологию, т.е. происхождение устойчивого словосочетания;

Jack of all trades – мастер на все руки.

Перевод с использованием аналога помогает сохранить значение исходного фразеологизма, его постоянство и образность, отличаясь только

лексико-грамматическим выражением, описательный же перевод дополняет, раскрывает значение исходного фразеологизма.

Jack the Ripper – Джек-Потрошитель [наименование убийцу представительниц женского пола, который промышлял в Лондоне в 1888–1889 гг.];

John Barleycorn – Джон Ячменное Зерно [выражение приобрело особую популярность после использования его Робертом Бернсом (R. Burns 1759–1796)];

John Bull – Джон Буль, типичный англичанин (насмешливое прозвище англичан) [впервые был употреблен врачом Дж. Арбетнотом (J. Arbethnot, 1667–1735) в сатирическом памфлете «Иск без конца, или история Джона Буля»].

В первых двух примерах мы наблюдаем применение комбинированного перевода, включающего сочетание дословного перевода при передаче общего названия (Потрошитель, Ячменное Зерно), собственное имя, компонент фразеологизма, передается с помощью традиционного ономастического соответствия.

Дословный перевод сопровождается разъяснительным переводом в квадратных скобках.

В третьем примере используется традиционное ономастическое соответствие собственному названию, далее следует описательный перевод и разъяснительный перевод, который объясняет, когда была впервые употреблена соответствующая фразеологическая единица в английском языке.

Vox and Cox – люди, поочередно занимающие помещение [под названием фарса Дж. Мортон (JM Morton, 1811–1891), действующие лица которого John Vox и James Cox живут в одной комнате, пользуясь ею поочередно – один днем, другой ночью].

Предлагаемый фразеологизм передается посредством комбинации описательного перевода и разъяснительного перевода, собственное имя при переводе не сохраняется.

Father Knickerbocker – «отец Никербокер» [так шутливо называют Нью-Йорк, по имени героя юмористической книги В. Ирвинга (W. Irving, 1783–1859) 'Knickerbocker's History of New York', Knickerbocker – часто встречавшаяся голландская фамилия среди первых поселенцев].

Вышеперечисленный фразеологизм с антропонимическим компонентом передается посредством сочетания дословного перевода, где собственное имя передается с помощью практической транскрипции, и разъяснительного перевода, раскрывающего значение и происхождение исходного фразеологизма.

Большинство фразеологизмов, в состав которых входит собственное имя героя литературного произведения или собственное имя исторического лица, передается посредством комбинированного перевода, причем собственное имя в переводе не сохранено.

Обратимся к примерам и проанализируем, как переводятся фразеологизмы, в состав которых входит библейское имя или имя античного бога или героя.

Achilles' heel – ахиллесова пятка; уязвимое, очень слабое место [этим.миф.];

Augean stable – авгиевы конюшни; запущенное, запущенное место [этим.миф.].

Два вышеприведенных примера фразеологических единиц передаются с помощью комбинированного перевода, содержащего эквивалент (ахиллесова пятка, авгиевы конюшни) и описательного перевода, что объясняет значение исходных фразеологизмов.

Разъяснительный перевод представлен лишь кратким примечанием, указывающим на происхождение соответствующего фразеологизма.

Имена греческой мифологии в переводе переходят в общие названия и общепринято употребляются в русском языке как общие названия.

Cut the Gordian knot – разрубить гордиев узел; решить сложную проблему применением силы;

Damocles' s word – дамоклов меч; нависла, угрожая беда, опасность [этим.миф.];

Draconian laws – драконовские законы; строгие законы [по имени Дракона – легендарного римского законодателя VII в. до н.э.].

В указанных случаях зафиксировано сочетание эквивалентного перевода (в котором собственное название переходит в общее название) и описательного перевода, раскрывающего значение фразеологической единицы.

Примечание о происхождении соответствующего фразеологизма также имеется.

Saul among the prophets – Саул среди пророков (человек, защищающий то, на что сам недавно нападал или наоборот; человек с неожиданно проявленными талантами) [этим.библ.].

В этом примере исходная фразеологическая единица передается посредством сочетания дословного перевода, описания значения исходного фразеологизма и разъяснения происхождения фразеологической единицы.

Имя, входящее во фразеологическую единицу, сохранено при переводе и передается с помощью традиционного ономастического соответствия.

С помощью комбинации различных переводческих решений в переводе полностью воспроизведено значение исходного фразеологизма, его постоянство и лексико-грамматическое выражение.

To cross the Styx – умереть; уйти к праотцам; отдать душу Богу; дать или врезать дуба [этим.миф.];

Benjamin's mess – самая большая, огромная порция; львиная пайка [этим.библ.].

В этом случае перевод первого примера осуществлен посредством применения комбинации переводческих решений, в частности сочетания:

- лексического перевода (умереть);
- описательного перевода (уйти к праотцам);
- перевода с использованием аналога (отдать душу Богу, дать/врезать дуба).

Во втором примере предложен описательный перевод, затем перевод с использованием аналога.

Damon and Pythias – Дамон и Пифиас (неразлучные друзья)
[этим.миф.];

David and Jonathan – Давид и Ионафан (неразлучные друзья)
[этим.библ.].

Комбинированный перевод включает в себя использование традиционного ономастического соответствия для передачи собственных имен и описательного перевода, раскрывающего значение исходного устойчивого словосочетания слов. Разъяснительный перевод представлен примечанием о происхождении фразеологизма.

Naboth's vineyard – нафеев виноградник; предмет зависти, посягательства [этим.библ.];

Sphinx's riddle – загадка сфинкса; очень трудная загадка, проблема
[этим.миф.].

Вышеприведенные фразеологизмы передаются с помощью комбинированного перевода, включающего сочетание:

- эквивалента (собственное название переходит в общее);
- описательного перевода, что объясняет значение соответствующего фразеологизма. Имеется примечание об источнике фразеологизма.

Еще один пример:

Fabian policy – осторожная выжидательная политика в борьбе с противником [по имени римского полководца Фабия].

В этом примере передача фразеологической единицы, взятой из античной литературы, связана с комбинированным переводом.

Он представляет собой сочетание описательного перевода, объясняющего значение исходного фразеологизма, и разъяснительного перевода, воспроизводящего происхождение анализируемого нами фразеологизма. Имя не сохраняется при переводе.

Pandora's box – ящик Пандоры; источник всевозможных бедствий [этим.миф.]

Исходный фразеологизм передается посредством сочетания эквивалентного перевода, в котором собственное имя передается с помощью традиционного ономастического соответствия, и описательного перевода, раскрывающего значение фразеологической единицы.

Следовательно, в большинстве своем фразеологизмы, компонентом которых является собственное имя библейского или мифологического происхождения, передаются с помощью комбинированного перевода. Комбинированный перевод может содержать эквивалент или аналог и дополняться описательным переводом. Разъяснительный перевод, содержит только ссылку на источник, откуда был взят соответствующий фразеологизм.

Иногда для передачи имени собственного во фразеологизмах используется только описательный перевод. Например:

Appeal to Caesar – обратиться, апеллировать к высшей власти, к старшим;

Achilles' s pear – нечто, что ранит и исцеляет [этим.миф.];

Cassandra' s warnings – оговорки, на которые не обращают внимания, но сбываются [этим.миф.];

Cheap Jack (John) – странствующий мелкий торговец;

Job' s post – человек, приносящий плохие вести [этим.библ.].

Описательный перевод наблюдался преимущественно при передаче фразеологизмов, в состав которых входило библейское или мифологическое имя.

Описательный перевод относится к нефразеологическим способам перевода, поскольку при его применении сохраняется в языке перевода значение исходного фразеологизма, его постоянство не воспроизводится, так как в языке перевода он может объясняться посредством развернутого словосочетания, или даже предложения [Подкорытова, 2016: 510].

В случае применения описательного перевода собственное название не сохранялось также.

Иногда может использоваться только эквивалент. Например:

Caesar's wife is above suspicion – жена Цезаря вне подозрения;

The curse of Cain – проклятие Каина [этим.библ.];

Эквивалентный перевод является оптимальным вариантом передачи исходного фразеологизма в языке перевода, поскольку он сохраняет постоянство, образность и значение исходного фразеологизма, его лексико-грамматическое выражение.

Для работы с практической частью исследования мы поделим анализируемые ФЕ с антропонимом в составе по способу их перевода: контекстуальная замена, фразеологический аналог/эквивалент, описательный перевод и калькирование. Таким образом, мы сможем четко рассмотреть, какой именно способ перевода является наиболее распространенным и какие у него будут лингвокультурные особенности.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В теоретической главе нашего исследования было рассмотрено такое понятие как «фразеологизм» и различные подходы к его определению.

Нами были изучены основные признаки фразеологической единицы, а также рассмотрены самые известные классификации фразеологических единиц. В ходе исследования, мы пришли к выводу, что общепринятого определения для фразеологизма не существует, но ученые-лингвисты сходятся во мнении о его основных признаках: устойчивость, воспроизводимость, семантическая целостность.

Далее мы рассмотрели способы перевода фразеологических единиц и их особенности на примере работы Я. И. Рецкера. Мы выяснили, что сложностью передачи фразеологизма на другой язык является не только возможное отсутствие эквивалента, но и тонкости национальной культуры и мировосприятие.

Далее мы рассмотрели изучение фразеологизмов с точки зрения лингвокультурологии. Выяснили, что фразеологический фонд языка является одним из основных предметов изучения в лингвокультурологии, поскольку во фразеологических единицах сохранена культурная информация – представления народа, мифы, ритуалы, стереотипы, обычаи и т. д., составляющие основу национального менталитета и мировоззрения. В то же время, несмотря на национально-культурную специфику, эти языковые единицы формируют определенного рода подсистему в любом языке, выявляя определенные общие закономерности. Лингвокультурологическое направление во фразеологии, выдвигая на первый план вопрос взаимодействия фразеологического состава языка и культуры, исследует механизмы соотношения во фразеологизмах как языковых знаках собственно языковой и культурной семантики.

Мы узнали, что минимальным носителем лингвокультурной информации является лингвокультурема [Воробьев, 2008] – комплексная межуровневая единица, составляющая диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (культурного) содержания [Маслова, 2001]. Лингвокультурема не является единицей исключительно языковой системы, а лишь базовым термином лингвокультурологии и служит обозначением единицы вербализации культурного содержания.

Рассмотрели работы В. Телии, в которых описано, что лингвокультурология направляет свой исследовательский фокус на те языковые единицы, которые характеризуются образно-метафорическим культурным представлением. Такие языковые единицы именуются речевыми реалиями и составляют основу лингвокультурной парадигмы нации как

совокупности языковых форм, воспроизводящих категорию ментальности в этническом, социальном, историческом и научном аспектах. Лингвистическая сущность реалий предполагает наличие определенной совокупности признаков, по которым они отмежевываются от других единиц языковой системы, а именно: национальной самобытности, уникальности, безэквивалентности.

По мнению А. В. Костина [Костин, 2002: 18], лингвокультурологический подход к исследованию языковых реалий опирается на идею о кумулятивной (накопительной) функции языка, благодаря которому в ней отражается, сохраняется и передается опыт народа, его мировоззрение и мироощущение.

Согласно этому утверждению, язык – это универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни. Следовательно, фразеологизмы, содержащие антропонимы, отражает культурно значимые стороны человечества.

Таким образом, фразеологизм с антропным компонентом могут указывать на конкретную личность или объект, вызывая у представителя определенной культуры ассоциации, стереотипные представления, связанные с историческими событиями, традициями, реальными носителями имени. Благодаря вторичной номинации и абстрактности происходит ослабление семантики фразеологизма и указательного значения.

В конце нашего теоретического исследования мы рассмотрели способы и особенности перевода ФЕ с антропонимом в составе и описали алгоритм, которого будем придерживаться при анализе в практической части нашего исследования.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АНТРОПОНИМАМИ

2.1 Семантика фразеологических единиц с антропонимами как средство репрезентации англоязычной лингвокультуры

При изучении фразеологических единиц одним из самых значимых аспектов является изучение категории значения (плана содержания). Российские деятели науки, такие как В. А. Кунин, С. Д. Райхштейн, Ю.П. Солодуби др. уделяли особое внимание именно категории значения при описании фразеологизма, как лингвистического явления.

В. Г. Гак в своей работе «Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака» выделяет данный аспект фразеологических единиц как самый важный при подборе критериев для анализа фразеологической единицы, основываясь на его первостепенности и общепринятой значимости. Изучая семантические особенности фразеологизмов, необходимо отметить наличие эквивалентности значения (или его отсутствие), определить на каком уровне синонимичности находится фразеологическая единица, а также является ли она омонимичной. Однако в таком случае сам анализ будет проходить наряду с критериями образной составляющей и лексико-грамматической модели [Гак, 1997: 166].

Говоря о семантике фразеологических единиц в целом, нельзя не отметить, что филолог Ю.П. Солодуб относит к универсальным чертам фразеологии также и тот факт, что многие фразеологизмы различных языков используют близкие по семантике фразеологические образы. Например, для выражения затаившейся опасности или врага многие языки используют ФЕ с компонентом, обозначающим «затаившееся для нападения животное или насекомое, укус которого может быть опасен для человека»: рус. змея подколотная, укр. *гадюка потайна* (букв. «затаившаяся змея»), англ. *a snake in the grass* [Солодуб 1990: 60].

В данном параграфе мы уделим особое внимание фразеологическим единицам, в состав которых входит компонент антропоним, что позволит нам проанализировать такие ФЕ как средство репрезентации английской лингвокультуры.

В последнее время множество работ посвящены проблеме отражения во фразеологии культуры народа. Довольно много идиом с именами собственными знакомы людям разных национальностей, и естественно, что изучающий английский язык хочет знать, как сказать эти красочные выражения по-английски. Следует, однако, подчеркнуть, что фразеологизмы с именами собственными не часто употребляются в устной или письменной речи.

Для составления полноценного анализа стоит рассмотреть семантику фразеологизмов в контексте лингвокультуры более подробно. В данном исследовании компонентом семантики, отвечающим за национально-культурный аспект, выступает антропоним. Изучив исходную мотивированность личного имени, появляется возможность всесторонне раскрыть не только культурную составляющую ФЕ, но и сделать выводы о психологической картине культуры, восприятии окружающего мира и ассоциативном ряде, возникающем у носителей языка относительно тех или иных явлений (как социально-общественных, так и природных).

Рассматривая структуру ИС в широком смысле, можно выделить сразу несколько компонентов значения:

- Категориальная семантика (общая или частная).
- Собственно лексическая семантика/
- «Психическая» семантика (образ денотата в сознании говорящего, а также связанные с ним ассоциации в общественном сознании народа).
- Культурно-историческая (национально-культурная) семантика. Здесь речь идет о «фоновых» знаниях социального или реально-

энциклопедического характера, а также стилистическая референция, которая включает в себя такие понятия как эмоциональность, употребимость, темпоральность и т.д.

В основе любого лингвокультурного исследования лежит гипотеза о том, что каждый язык формирует у его носителей определённый образ мира, представленный семантическим комплексом понятий, характерным именно для данного языка: трудности, возникающие в межкультурном общении и при переводе, доказывают это. Ш. Балли утверждал, что «человеческое воображение старается одушевить окружающий его мир, и человек верит, что окружающая природа живая и имеет душу» [Балли, 1909: 127]. Отсюда возникает такое понятие, как языковой антропоморфизм. В. Г. Гак поддерживает этот концепт и отмечает, что «это не пережиток первобытного мышления, а общий закон развития номинаций в языке» [Гак, 1997: 274]. Именно из-за того, что центром внимания человека является он сам, весь мир воспринимается им по своему образу. Поэтому можно смело сделать вывод о том, что связь человека и культуры всецело находит свое отражение во фразеологических единицах с именем собственным в составе.

В теоретической части нашей магистерской диссертации мы уже выяснили, что исследуемые фразеологизмы с компонентом антропоним можно разделить на три основные группы по происхождению использованного имени собственного: культурную, религиозную и мифологическую. В основу анализа имени собственного (антропонима) в составе ФЕ в практической части мы заложим следующие два критерия: способность имени собственного сохранять свою семантическую полноценность и индивидуальность, а также способность имени собственного вовлекаться в процесс фразеологизации. Данные критерии были подробно описаны в работе З. З. Чанышевой «Национальная специфика фразеологизмов» и чрезвычайно важны при переводе, т. к. от этого зависит полноценность передачи лингвокультурного контекста [Чанышева, 2000: 68].

Чанышева выделяет три случая, когда ИС сохраняет свою семантическую полноценность:

1. Когда семантическая индивидуальность сохраняется в более или менее полном объеме. Такой случай можно быстро распознать в семантике фразеологизма, даже если ФЕ подвергался какому-либо виду семантического переноса. В таких фразеологизмах антропоним чаще всего обозначает лицо, существовавшее на самом деле. Например, *Old Harry* согласно Большому Англо-Русскому словарю означает «дьявол».

2. Когда наблюдается определенная семантическая редукция имени собственного в составе фразеологизма. Происходит частичное переосмысление метафорической части, что, как правило, обуславливает живую внутреннюю форму ФЕ (т.к. переосмысление всегда воспринимается на фоне буквального значения его компонентов). Например, *Saint Paul* (святой Павел; святоша) – «поддержать одного в ущерб другому» Таким образом, к данной группе относятся те фразеологизмы, в которых имя собственное сохранило только сему «одушевленность», утратив «индивидуальность». Важно отметить, что при гендерном различии самого ИС в составе фразеологизма оно может быть применимо к любому полу.

3. Когда имя собственное как компонент фразеологизма полностью подавляется в семантическом плане, то есть теряет, как и «одушевленность», так и «индивидуальность». Например, *Albert (coat)* (разг.) «длиннополый сюртук». Таким образом, в данной группе фразеологизм содержит имя собственное с полностью редуцированной семантикой, и такая фразеологическая единица обозначает либо неодушевленный предмет, либо какое-то понятие или явление [Чанышева, 2000: 88].

По способности имени собственного вовлекаться в процесс фразеологизации также Чанышева выделяет три степени абстракции:

1. Максимальная. В таком случае ИС в составе фразеологизма проходит полную идиоматизацию и полностью переосмыляется. *Old little Jack* (жарг.) «старый маленький Джек» – общепринятое название для

американского виски бренда Jack Daniels. К данной группе относятся такие фразеологизмы, в которых значение компонента личного имени полностью переосмыслено.

2. Промежуточная. Компоненты данного типа ФЕ уникальны тем, что только один из них сохраняет за собой буквально значение, а другой переосмысливает свое значение частично или полностью, становясь семантически осложненным. *The (real) Simon Pure* – «человек собственной персоной, неподставное лицо». В таких случаях при переводе важно обращать внимание на этимологическую составляющую ФЕ.

3. Минимальная. Такая степень абстракции имеет место в тех фразеологизмах, в которых их значение проявляется в виде непереосмысленного, но осложненного значения. Например, *Jack the Ripper* «Джек Потрошитель». В таких ФЕ семантическая составляющая прозрачна и вполне можно догадаться об их значении, не ссылаясь на этимологию [Чанышева, 2000: 110].

Бесспорно, что не все фразеологизмы обладают мотивированной внутренней формой, и не всегда можно сделать успешный вывод об особенностях материального или духовной культуры представителей той или иной языковой группы. Однако анализ информационной наполненности ФЕ с учетом абстракции или конкретности дает наивное, стереотипное представление о картине мира носителей того или иного языка. На базе такой информации можно делать выводы о чертах национального характера.

Р. Кабан отмечает, что функциональные возможности фразеологизмов зависят от типа окружения и семантических свойств тех языковых единиц, которые занимают некоторую позицию в окружении фразеологической единицы [Кабан, 2001, 71]. Однако существует мнение, что фразеологические единицы с антропонимом в составе не нуждаются в каком-то условном специфическом контексте: им нужен уровень познания соответственной сферы интеллектуально-духовного прошлого, определенной культурной компетенции. Б. Ажнюк предполагает, что существует

некоторый этимологический компонент, лежащий в основе семантики значительного числа фразеологических единиц [Ажнюк, 1989, 42]. Рассматривая фразеологизмы с именами собственными в диахронии, можно по праву утверждать вполне логичное появление онимов в их структуре, беря во внимание лишь существование конкретного человека: англ. *Potemkin village*. Корпус фразеологических единиц с именами собственными, заимствованных из Библии, мифологии, литературы или мировой истории, – общий для британского английского, американского английского и австралийского английского, как подтверждают указанные выше лексикографические источники. В данном случае антропонимы логично мотивированные и могут носить символический характер. У Н. Алефиренко в своей работе «Фразеология и паремиология: учебное пособие» доказывает теорию о том, что предательство Иудой Иисуса Христа воспринимается в культуре как символ предательства в целом [Алефиренко, 2008, 27]. Дифференциальные признаки данной ситуации – предательство, награда за донос – становятся элементами этнического сознания, а их атрибуты – символами (*Judas kiss, 30 pieces of silver*). Даже самое имя *Juda* превратилось в прецедентный феномен и стало известным символом.

Существует ряд фразеологизмов с денотативно мотивированным ономастическим компонентом, которые изначально считались британского происхождения – *Peeping Tom, pleased as Punch* или же американского – *Uncle Tom, Walter Mitty*, однако благодаря стремительному развитию английского языка в целом теперь они составляют общий элемент англоязычной картины мира и не делятся между культурами.

Посредством фразеологических единиц с компонентом антропоним можно проследить структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода. Через них как раз можно увидеть, как реализуются общекультурные категории, такие как жизнь, смерть, красота, уродство, брак, одиночество, женственность, мужественность, родство, чужеродность, счастье, горе, и пр. И самым

доступным способом узнать о восприятии таких категорий в чужих культурах – это обратиться к литературе.

Литература является составной частью искусства. П. Бурдьё утверждал, что наука, идеология и философия выполняют функцию сознания культуры, а искусство – это ее самосознание [Бурдьё, 2002: 118].

По мнению А.Вежбицкой, создавая какой-либо текст, носители языка, принадлежащие к определённой культуре, обычно руководствуются некой подсознательной нормой, которую называют «культурно-обусловленным сценарием» [Вежбицкая, 2002: 45]. Иными словами, существует прямая параллель между тем, как меняется общество и литература вместе с ним. На каждом временном промежутке были определенные популярные направления, которые транслировали те или иные ценности того времени и культуры. Изучая литературу разных эпох, каждой из них присваивали название – «эпоха возрождения», «эпоха романтизма» и т. д. Но и в данный момент современная литература является транслятором нашей культуры, которая позже получит свое название в парадигме времени. Именно поэтому, рассматривая феномен ФЕ с антропонимом в составе на базе современной литературы, наше исследование является современным и актуальным.

Одним из культурных концептов, выявляемым в художественном тексте, является его тема как проявление окружающего участка действительности, его отражение в произведении. Тема раскрывается в произведении различными средствами. Для раскрытия темы произведения и воплощения своего замысла автор использует систему языковых средств. При помощи таких средств автор получает своё конкретное выражение в тексте и его смысл. Как в психологии, так и в лингвистике смысл трактуется как некое суперлинейное образование, относящееся к тексту или его части, а также к ситуации, в условиях которой происходит общение. Таким образом, смысловые параметры текста являются концептами культуры, раскрывающими её специфику.

Именно поэтому, выбрав современную литературу в качестве материала для исследования, мы в первую очередь опирались на то, что именно в текстах художественного жанра имеется огромное разнообразие языковых средств: метафоры, метонимии, оксюмороны и, конечно же, фразеологизмы. Благодаря насыщенности языковых средств, нам, как исследователям, удалось вычленить огромное количество различных фразеологизмов: от семантически-трансформированных до фразеологизмов с антропонимами в составе, которые и послужили основой для нашего исследования.

Особое место в жанрах литературы занимает жанр ужасов. Согласно онлайн-словарю academic.ru литература ужасов (англ. Horror literature, horror fiction; часто просто «ужасы» или даже «ужастики», иногда «мистика» или заимствованное из английского «хоррор») – это жанр литературы, имеющий целью вызвать у читателя чувство страха. Часто, но не всегда в литературе ужасов повествуется о сверхъестественном в прямом смысле слова; имеется ограниченный набор тематизированных персонажей, заимствованных, как правило, из низовой мифологии разных народов: вампиры, зомби, оборотни, призраки и демоны [dic.academic.ru].

Врейтинге BBC “Culture's top reading picks of 2021” жанр ужасов занял первое место среди молодежи, в то время как в России, согласно опросу издательства ЭКСМО за 2022 год, только 3% россиян читают ужасы.

Материалом для нашего исследования послужили произведения самых читаемых американских и британских авторов: Стивена Кинга, Нила Геймана и Терри Пратчетта.

Перечисленные авторы были отобраны для исследования, благодаря особенностям их идиостилей. Как известно, Стивен Кинг, Нил Гейман и Терри Пратчетт в своих произведениях обращаются к мифологии, религии, а также древним легендам Америки и Великобритании, транслируя их в современных реалиях. Стиль каждого из них богат различными языковыми средствами, в особенности фразеологическими единицами, как и давно

появившимися, так и только недавно закрепившимися в языке, благодаря чему фразеологизмы с антропонимом в составе встречаются в их произведениях неоднократно. Это делает работу с их материалом уникальной, т.к. мы можем не только наблюдать, как функционируют в их тексте старые фразеологизмы с компонентом антропоним, появившиеся в языке еще во времена Шекспира, но и встретить современные, появившиеся благодаря нашим знаменитым современникам. Например, в своем романе «Незнакомец», Стивен Кинг для описания дружной и многодетной семьи использует образ семьи популярных голливудских актеров: They were a Bradgelina type of a family.

Таким образом, именно выбор современной литературы в жанре «ужасы» позволит нам подробно рассмотреть, как функционируют ФЕ с антропонимом в составе при передаче с английского языка на русский с учетом современных реалий разных культур и стран.

2.2 Анализ способов передачи англоязычных фразеологизмов с антропонимами на русский язык

В данной главе мы проведем анализ перевода фразеологических единиц с компонентом антропоним и рассмотрим его особенности. В качестве материала для работы были отобраны отрывки из произведений американских и английских писателей в жанре ужасы: Стивена Кинга, Терри Прачетта и Нила Геймана.

Мы рассмотрим, как русские переводчики смогли передать ФЕ, в состав которых входит антропоним. Наша задача – сделать вывод о том, какой способ перевода является наиболее употребляемый и какие есть особенности перевода ФЕ с антропонимом в составе в данном жанре литературы.

**Способы передачи англоязычных фразеологизмов с антропонимами
русскими переводчиками**

Оригинальный фрагмент	Перевод	Словарное значение ФЕ с антропонимом	Лингвокультурный комментарий
Контекстуальная замена			
<p>'No,' I said. 'Percy squealed. Just like the schoolroom sissy telling teacher he saw <i>Jack and Jill</i> smooching in the cloakroom.'</p> <p>Stephen King, "Green Mile"</p>	<p>– Нет. Перси наябедничал. В школе такие вот маменькины сынки точно так же говорят учительнице, что <i>два других сопляка</i> обжимались в раздевалке.</p> <p>Переводчик: В. А. Вебер</p>	<p>any girl and a boy together (прим. любые девушка и парень вместе)</p>	<p>«Джек и Джилл» – английская фольклорная песенка 18 века, повествующая о мальчике с девочкой, которые пошли за водой. После процесса фразеологизации, данное высказывание стало обозначать любых мальчика и девочку в качестве собирательного образа друзей или пары. В реалиях русского языка без переводческого комментария смысл фразы остается очень абстрактным. При переводе была использована контекстуальная замена «два других сопляка», обозначающий в данном случае двух любых школьников. Такой прием органично вписывается со сленговым выражением «маменький сынок» и</p>

			просторечным глаголом «наябедничать».
<p>I bolted like a <i>Jack</i> released from <i>its box</i>, turned with my bamboo pole still in one hand, and fled up the bank, bending over and tearing tough bunches of weeds out with my free hank in an effort to get up the slope more quickly.</p> <p>Stephen King “Skeleton Crew”</p>	<p>Я вскочил, <i>как в зад ужаленный</i>, повернулся, все еще держа бамбуковый шест в одной руке, и побежал вверх по берегу, наклоняясь и вырывая жесткие пучки сорняков свободным мотком, пытаюсь подняться по склону быстрее.</p> <p>Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>A jack-in-the-box is a child's toy that consists of a box with a doll inside it that jumps out when the lid is opened. (прим. Джек из коробки – это детская игрушка, состоящая из коробки с куклой внутри, которая выпрыгивает при открытии крышки)</p>	<p>Jack-in-the-box – это игрушка, состоящая из коробки с фигуркой на пружине, которая выдвигается при открытии крышки. В русском языке есть фразеологический аналог данного выражения – «выскочить, как черт из табакерки». Обращаясь к Большому англо-русскому фразеологическому словарю (2005), можно увидеть эту фразу, как эквивалентно равноценную фразе «jump out as Jack from the box». Однако переводчик заменяет ее контекстуальным синонимом, чтобы передать смысл быстроты действия, но переиначив форму</p>

			на более просторечный манер.
<p>“Help me,” he was sobbing. “Help me, you guys, please, please.” “<i>Jesus, Mary, and Joseph,</i>” Myron said. He had come out of the generator compartment to see what was going on.</p> <p>Stephen King “Mist”</p>	<p>Помогите же мне! – всхлипывая, просил он. – Эй, вы, помогите мне! Пожалуйста! – <i>Какая же срань, господи,</i> – пробормотал Майрон, увидев, что творится, когда он вышел из генераторного отсека.</p> <p>Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>An exclamation of shock, surprise, or exasperation. (прим. Возглас шока, удивления или раздражения).</p>	<p>Во многих своих произведения С. Кинг уничижительно относится к вопросам религии, не отрицая существования Бога, но и не одобряя его культ среди религиозных групп. В своей автобиографии «Как писать книги», Стивен Кинг пишет о том, что не понимает, почему «языческий Христос, который, вместо того чтобы пасти своих овец, ведет их на заклание» [Кинг, 2011, 56]. Во многих его книгах лейтмотив религии является центральным. Переводчик в данном случае прибегает к использованию вульгарного просторечия в качестве контекстуальной замены.</p>
<p>The message is short, and although it’s of no immediate help, it contains a ray of hope. So long,</p>	<p>Сообщение короткое, и пользы от него никакой, но в нем теплится луч надежды. Пока, ЛОХ.</p>	<p>a note or a letter informing one that a romantic relationship or a marriage is over. (прим. записка или</p>	<p>Исходная ФЕ с антропонимом в составе «<i>Dear John</i>» означает письмо, в котором объявляется о разрыве отношений. Лингвокультурный и</p>

<p>SUCKER. PS: Enjoy your Weekend, I know I will. Jerome says, “I think you just got a <i>Dear John</i>, Bill.” Hodges thinks so, too, but he doesn’t care. Stephen King “Joyland”</p>	<p>P.S. Наслаждайся выходными. Я-то знаю, что у меня они пройдут отлично. – Я думаю, Билл, это <i>грустное письмо</i> для вас, – говорит Джером. Ходжес тоже так думает, но его это не волнует. Переводчик: Вебер В.А.</p>	<p>письмо, информирующе о том, что романтические отношения или брак закончились).</p>	<p>этимологические контексты довольно специфичны, поэтому переводчик генерализирует исходную ФЕ, передавая ее с помощью слова «письмецо», стилистически подстраиваясь под тон оригинала, благодаря добавлению уменьшительно-ласкательного суффикса. Таким образом сохраняя изначальный сарказм, изложенный в оригинальном тексте (речь идет о письме, пришедшему детективу от убийцы).</p>
<p>And where is your Jill, Jack? Nail Gaiman“Good Omens”</p>	<p>Ну и где же твоя Джульетта, Ромео? Переводчик: М. Юркан</p>	<p>any girl and a boy together (прим. любые девушка и парень вместе)</p>	<p>В данном случае, переводчик заменил привычное лишь английскому читателю «Джек и Джилл» на широко известное «Роме и Джульетта», таким образом не только сохранив общую картину повествования целостной (разговор происходит на Трафальгарской площади в Лондоне), но и позволив российскому</p>

			читателю не заострить внимание на этой реплике – шутка переведена так, что воспринимается русском читателем сразу же, не в отрыве от контекста.
<p>She was a person every teenager now would call a Karen</p> <p>StephenKing “BillySummers”</p>	<p>Нынешняя молодежь называет таких, как она, взбалмошными тетками</p> <p>Переводчик: Вебер В.А.</p>	<p>A pejorative slang term for an obnoxious, angry, entitled, and often racist middle-aged white woman who uses her privilege to get her way or police other people's behaviors(прим. уничижительный сленговый термин для обозначения неприятной, злой, властной и часто расистской белой женщины средних лет, которая использует свою привилегию, чтобы добиться своего или контролировать поведение других людей.)</p>	<p>Данный термин появился в американских реалиях в начале XXI века и уже плотно вошел в обиход, о чем свидетельствуют многочисленные песни и книги с его упоминанием. Образ среднестатистической «Карен» русскому читателю неизвестен – более того, похожего фразеологического или сленгового аналогов в русском языке нет. В данном случае переводчик подступает к термину описательно, но все-таки выделяя лишь одну черту образа «Карен» – скандальность. Таким образом, в переводе появляется вполне приемлемая контекстуальная замена.</p>
<p>The new man on the third floor. He asked me to call him Ted.”</p>	<p>– С новым жильцом на третьем этаже. Он попросил,</p>	<p>To have never met someone and not know anything about</p>	<p>Данный ФЕ с антропонимом в составе русскому читателю неизвестен,</p>

<p>“You won’t –I should say nitzy! <i>You don’t know him from Adam.</i>” “He said giving a kid an adult library card was a great present.” Stephen King “Billy Summers”</p>	<p>чтобы я называл его Тедом. – Ну нет, и думать не смей! <i>Ты же его один раз видел.</i> – Он сказал, что взрослая библиотечная карточка – самый замечательный подарок мальчику. Переводчик: Вебер В.А.</p>	<p>them (прим. никогда не встречаться с кем-то и ничего о них не знать)</p>	<p>но, согласно источникам, является одним из самых употребляемых выражений в бытовом стиле американского английского. В данном случае переводчик поступает просто – передает негодование матери простой и понятной контекстуальной заменой.</p>
<p>Her first boyfriend was a bit of a Jack the Lad Terry Pratchett «Hogfather»</p>	<p>Ее первый любовью был какой-то состоявшийся фраер Переводчики: Берденников, Жикаренцев</p>	<p>a young man who behaves in a very confident way (прим. молодой человек, который ведет себя очень уверенно)</p>	<p>Данный фразеологизм является очень старым. В большом этимологическом словаре, первое появление ФЕ Jack the Led датируется еще началом восемнадцатого века. Однако, в русском языке данный фразеологизм не имеет аналога – самые близкие по значению отсылают к советскому кино, отсылки к которому бы подпортили общий современный колорит книги. Переводчики останавливаются на контекстуальной замене «состоявшийся фраер», что, по нашему мнению,</p>

			является хорошим переводческим решением.
<p>He wasn't Adonis himself, but something definitely was about him.</p> <p>Stephen King “Rage”</p>	<p>Красавчиком он не был, однако что-то все-таки было в его вечно нахмуренном лице</p> <p>Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>A very beautiful or sexually attractive young man (прим. очень красивый или сексуально привлекательный молодой человек)</p>	<p>При упоминании имени древнегреческого Бога Адониса у русского читателя возникает точно такая же ассоциация, как и у английского – очень красивый человек. В данном случае, переводчик решает не пользоваться схожим пониманием термина в обеих реалиях и прибегает к использованию контекстуального аналога, чтобы текст в целом воспринимался современной молодежью намного проще.</p>
<p>I am not ready to get another “Dear John” letter. I am only twenty three!</p>	<p>Я не готов к еще одному сраному расставанию! Мне же всего 23, в конце концов!</p>	<p>a note or a letter informing one that a romantic relationship or a marriage is over.</p>	<p>В данном случае переводчик полностью заменяет оригинальный ФЕ контекстом,</p>

		(прим. записка или письмо, информирующее о том, что романтические отношения или брак закончились).	используя лишь одну отличительную черту, присущую таким письмам – расставание. В данном случае оно смотрится уместно; русскому читателю будет легко понять о чем речь, не углубляясь в лингвокультурный контекст.
His <i>John Wayne expression</i> suddenly snapped down	Его ковбойская ухмылочка неожиданно исчезла	a US actor who made more than 200 films, many of which were westerns (прим. Американский актер, который снялся в более чем 200 фильмов, в основном в жанре вестерн)	В данном случае переводчик полностью заменяет оригинальный ФЕ контекстуальной заменой, используя лишь одну отличительную черту, присущую данному актеру – роль ковбоя в вестернах. В данном случае оно смотрится уместно; русскому читателю будет легко понять о чем речь, не углубляясь в лингвокультурный контекст.
He's going to say those two little innocent lambs out there with their fresh haircuts and new suits didn't do anything but toss that gay fellow <i>Mellow</i> over the side of the bridge for a joke.	Он скажет, что два эти невинных агнца с модными стрижками в модных костюмчиках не сделали ничего особенного, просто в шутку сбросили этого парня-гомика с	the stage name of lo-fi music singer/songwriter Ralph Lawrence "Polo" Reyes. (прим. сценический псевдоним певца и автора песен в стиле лоу-фай Ральфа Лоуренса	Данный фразеологизм относительно новый. Он произошел от псевдонима американского певца Ральфа Лоуренса «Поло» Рейеса, известного своей гомосексуальностью и скандальностью. В США это имя стало

<p>Stephen King “IT”</p>	<p>моста в реку. Переводчики: Вебер А.В. и Вебер Д.В.</p>	<p>«Поло» Рейеса).</p>	<p>идиомой относительно недавно, поэтому русский читатель, даже осведомленный о феномене английских фразеологизмов, скорее всего не поймет, о чем именно повествует автор исходя из чужого творческого псевдонима. Переводчик генерализирует смысл ФЕ, превращая его в вульгарный контекстный аналог, таким образом, сохраняя стиль Стивена Кинга.</p>
--	---	------------------------	--

Калькирование

<p>“What’s wrong?” Erin asked. I shrugged, the way you do when it’s small shit but annoying shit, all the same. “Girlfriend broke up with me. Sent me a Dear John letter.” “Which in your case,” Tom said, “would be a Dear Dev letter.” “Show a little compassion,” Erin told him. “He’s sad and hurt and trying</p>	<p>Я пожал плечами, мол, да так, ерунда, но ерунда обидная. – Меня бросила девушка. Письмо прислала. <i>«Дорогой Джон, солдатик мой»</i> и все такое. – Только в твоём случае не <i>«Дорогой Джон»</i>, а <i>«Дорогой Дев»</i>, – сказал Том. – Да прояви ты сочувствие, – упрекнула его Эрин. – Деву</p>	<p>a note or a letter informing one that a romantic relationship or a marriage is over. (прим. записка или письмо, информирующее о том, что романтические отношения или брак закончились).</p>	<p>В данном случае переводчики не стали генерализировать и подбирать контекстуальную замену, так как далее по тексту имеется ироничный комментарий, основанный на этом ФЕ. Оставив фразеологическую единицу в первоначальном виде, они расширили перевод, добавив в него оттенок этимологического значения. При обращении к этимологии, такие</p>
---	---	--	---

<p>not to show it. Are you too much of a dumbass to see that?"</p> <p>Stephen King, "Joyland"</p>	<p>грустно и больно, но он старается этого не показывать. Сам, что ли, не понимаешь?</p> <p>Переводчик: Вебер В.А.</p>		<p>письма чаще всего получали именно американские солдаты во время службы.</p> <p>[onlineetymologydictionary]. Русскому читателю будет трудно без переводческого комментария полностью понять семантику выражения из-за незнакомого лингвокультурного контекста. В таком случае, было бы уместно дать переводческий комментарий (сноску), однако переводчики делать этого не стали, сохраняя в дальнейшем шутку друга главного героя, основанную на фразе «Дорогой Джон».</p>
<p>He wasn't going to get his because some crazy bastard had done a <i>Jack the Ripper act</i> on poor old Gary Pervier</p> <p>Nail Gaiman "American Gods"</p>	<p>Она уехала в свое путешествие, а он не смог из-за того, что какой-то чокнутый ублюдок сыграл с Гэри в Джека-Потрошителя.</p> <p>Переводчики: В. Михайлин и Е. Решетникова</p>	<p>An unidentified murderer who killed at least seven prostitutes in London's East End between August and November 1888 (прим. неизвестный убийца, не менее семи проституток в лондонском</p>	<p>Джек-Потрошитель – фигура известная, однако в российских реалиях именем нарицательным не стала. Ссылаясь на личность маньяка, переводчик сделал своеобразную ставку на то, что многие российские читатели все-таки поймут, о каких именно действиях идет речь. В таком случае,</p>

		Ист-Энде в период с августа по ноябрь 1888 г.)	переводчики должны были дать переводческий комментарий (сноску).
Here's the bottom line. I don't care I fit was Kinko the Klown or a guy in an <i>Uncle Sam suit</i> on stilts or Hubert the Happy Homo. Stephen King "IT"	Это уже слишком. Мне плевать, был ли это Кинко-клоун, или парень в <i>костюме дяди Сэма</i> на ходулях, или Губерт Счастливчик Переводчики: Вебер А.В. и Вебер Д.В.	a way of referring to the United States of America or the US government. (прим. способ обращения к Соединенным Штатам Америки или правительству США)	Согласно Кэмбриджскому словарю, она означает: «США или их правительство, иногда представленное изображением высокого худощавого мужчины с седой бородой и в высокой шляпе» [dictionary.cambridge.org]. В данном случае перевод фразеологическим аналогом невозможен – полностью утратится лингвокультурная особенность ФЕ, подчеркивающая американские реалии. Простому обывателю, не являющемуся частью американской культуры, будет сложно определить о ком конкретно идет речь. В таком случае, было бы уместно дать переводческий комментарий (сноску), однако переводчики делать этого не стал.
Фразеологический эквивалент/аналог			
If we introduce	Если мы введем	Quickness of	По своему

<p>this fellow into the case, their lawyer is going to be on it <i>before you can say 'Jack Robin-son.'</i></p> <p>Nail Gaiman, "American Gods"</p>	<p>в дело этого парня, их адвокат уцепится за него, <i>ты и ахнуть не успеешь.</i></p> <p>Переводчики: В. Михайлин и Е. Решетникова</p>	<p>thought or deed (прим. быстрота мысли или действия).</p>	<p>значению перевод адекватен оригиналу, но полностью отличается по образности и грамматической структуре. Имя Джека Робинсона, согласно Классическому словарю Гроуза, используется для обозначения скорости; речь идет о человеке, чьи общественные визиты были настолько короткими, что он уезжал чуть не до того, как было объявлено о его прибытии. Фраза «ты и ахнуть не успеешь» очень распространена в российских реалиях и тоже имеет в коннотации элемент скорости. Перевод в этом случае подобран максимально корректно.</p>
<p>Her daughter turned, her daughter turned, turned, and there was blood all over her mouth, it was down her chin, it was matting her blue sailor dress, blood, oh dear God dear <i>Jesus Joseph and</i></p>	<p>Дочь повернулась, ее дочь повернулась, и вокруг рта у нее была кровь, и на подбородке, и на голубом воротничке блузки, кровь, о <i>пресвятые угодники</i>, как много крови...</p>	<p>An exclamation of shock, surprise, or exasperation. (прим. Возглас шока, удивления или раздражения).</p>	<p>Имена Иисуса, Йозефа и Марии современному русскому читателю известны, но не в качестве составляющих ФЕ. В данном случае переводчик прибегнул к использованию фразеологического аналога – «пресвятые</p>

<p><i>Maryso much blood – Mommy –” Stephen King “Mist”</i></p>	<p>– Ма... Переводчик: В.А. Вебер</p>		<p>угодники», более распространенному в речевом регистре современной молодежи.</p>
<p>‘Still prayin, still prayin, still <i>gettin right with Jesus,</i>’ Toot overrode me. Stephen King “Green Mile”</p>	<p>– Все еще молюсь, все еще молюсь, <i>все еще устремляюсь помыслами</i> к Христу, – перебил меня Два Зуба. Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>To redress or at one for one’s wrong doing sort ransgressions against Jesus (прим. возместить или искупить свои проступки или преступления против Иисуса)</p>	<p>Переводчик использует полный фразеологический эквивалент. При переводе смысл полностью сохраняется и остается понятным.</p>
<p>His apartment didn’t look like the Aladin’s cave, but for some reason Mary Jane felt like all this trash here was expensive as hell Terry Pratchett “Hogfather”</p>	<p>Его квартира не была похожа на пещеру Аладина, но Мэри Джейн почему-то казалось, что весь этот хлам здесь чертовски дорого стоит. Переводчики: Берденников, Жикаренцев</p>	<p>a place that is full of exciting, expensive and unexpected things</p>	<p>Переводчик использует полный фразеологический эквивалент. Как и в англоговорящих странах, так и в России история об Алладине очень популярна. При переводе смысл полностью сохраняется и остается понятным.</p>
<p>Heck, this case had more holes in it than Swiss cheese and more loose ends than a torn string vest. And where did the juicy Miss Dumpty come into it? <i>Jack and Jill</i> –we’d make a great team. Nail Gaiman</p>	<p>Черт возьми, в этом деле было больше дыр, чем в швейцарском сыре, и больше свисающих петель, чем в порванном жилете. И при чем тут пышная Мисс Болтай? С кем бы то ни было– из нас</p>	<p>any girl and a boy together (прим. любые девушка и парень вместе)</p>	<p>Фразеологическим аналогом – «с кем бы то ни было» – переводчик полностью сохраняет элемент отсутствия лица, выполняющего действия. Как и в оригинале, так и в переводе непонятно, из кого именно будет собираться команда. Перевод уместен и</p>

<p>“American Gods”</p>	<p>получилась бы отличная команда. Переводчики: В. Михайлин и Е. Решетникова</p>		<p>довольно точен.</p>
<p>"You want to keep a eye out," said a cracked old voice. "They'll be moving you on <i>before you can say Jack Robinson</i>. Or taking you in, I wouldn't be surprised." Two sharp eyes stared out from a beaky, grimy face. "You all right?"</p> <p>Nail Gaiman “American Gods”</p>	<p>– Гляди, милый, – слышался надтреснутый старушечий голос, – глазом не успеешь моргнуть, как прогонят ко всем чертям... А то и за решетку упекут. Это запросто. Ну, ты как?</p> <p>Переводчики: В. Михайлин и Е. Решетникова</p>	<p>Quickness of thought or deed (прим. быстрота мысли или действия).</p>	<p>Имя Джека Робинсона, согласно Классическому словарю Гроуза, используется для обозначения скорости; речь идет о человеке, чьи общественные визиты были настолько короткими, что он уезжал чуть не до того, как было объявлено о его прибытии. Фраза «ты и ахнуть не успеешь» очень распространена в российских реалиях и тоже имеет в коннотации элемент скорости. Перевод в этом случае подобран максимально корректно.</p>
<p>Haven't even seen him,' Billy says. 'Listen, Ken, thanks for stopping by.' Billy puts an arm around the shoulders of the man's wrinkled shirt, escorts him into the hall, and</p>	<p>Даже не видел его, – говорит Билли. – Послушай, Кен, спасибо, что зашел. Билли обнимает мужчину за плечи за мятую рубашку,</p>	<p>a person who is on hand and ready to perform a service or respond to an emergency (прим. человек, который находит ся рядом и готово казаться услугой или отреагировать на</p>	<p>Переводчик использует фразеологический аналог, хорошо известный русскому читателю. При переводе смысл полностью сохраняется и остается понятным.</p>

<p>turns him toward the elevators. 'You bet. And I'll be johnny on the spot with that item.' 'I know you will be.'</p> <p>Stephen King "Billy Summers"</p>	<p>проводит его в холл и поворачивает к лифтам. – Еще бы. Стану твоей палочкой-выручалочкой. – Еще как станешь.</p> <p>Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>чрезвычайную ситуацию).</p>	
<p>Every Tom, Dick and Harry knew her</p> <p>Stephen King "Billy Summers"</p>	<p>Ее знал каждый второй в этом злохаустье</p> <p>Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>any person anyone (прим. Кто угодно)</p>	<p>Переводчик использует фразеологический аналог, хорошо известный русскому читателю. При переводе смысл полностью сохраняется и остается понятным.</p>
<p>Oh god, it's old as Adam! – she said, pointing her finger at the envelope. – Are you kidding me?</p> <p>Nail Gaiman "American Gods"</p>	<p>Старо, как мир! – сказала она, указывая пальцем на конверт. – Ты шутишь, что ли?</p> <p>Переводчики: В. Михайлин и Е. Решетникова</p>	<p>Very old(прим. очень старый)</p>	<p>Переводчик использует фразеологический аналог, хорошо известный русскому читателю. При переводе смысл полностью сохраняется и остается понятным.</p>
<p>She gives him a distracted little flip of the fingers in return, and of course when he shows up at The West Wharf (at five-fifteen, just</p>	<p>В ответ она рассеянно шевелит пальчиками, и, разумеется, когда он ровно в пять тридцать заглядывает в</p>	<p>a person who is on hand and ready to perform a service or respond to an emergency (прим. человек, который находит</p>	<p>Переводчик использует фразеологический аналог, хорошо известный русскому читателю, однако не эквивалентный по значению. При</p>

<p>to be <i>Johnny on the spot</i>, just in case) she isn't there and an hour later she's still not there.</p> <p>Stephen King, "Dreamcatcher"</p>	<p>«Уэст Уорф» (на всякий случай, точность – вежливость – королей), ее никто не видел, и час спустя она все еще не показывается.</p> <p>Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>сярядомиготово казатьяуслугуили отреагироватьна чрезвычайнуюс итуацию).</p>	<p>переводе смысл полностью сохраняется и остается понятным, но многие коннотативные смыслы упущены.</p>
<p>Описательный перевод</p>			
<p>«Wednesday said, "Mead for you, Shadow. I'll stick with <i>Mister Jack Daniel's</i>, and for the freeloading Irishman...»</p> <p>Nail Gaiman "American Gods"</p>	<p>– За тебя, Тень! – сказал мистер Среда. – Я выпью <i>хорошего американского виски</i> и за нерадивого ирландца.</p> <p>Переводчики: В. Михайлин и Е. Решетникова</p>	<p>a US bourbon (= whisky made from corn and rye) which is sold all over the world (прим. американский бурбон (= виски из кукурузы и ржи), который продается по всему миру)</p>	<p>Переводчик полностью опускает название виски JackDaniels, заменяя его описанием «хороший, американский виски». Бренд виски может быть неизвестен многим русскоговорящих читателем из-за непопулярности данного продукта в России. Здесь прием описательного перевода мы считаем уместным.</p>
<p>«<i>He's a John Doe</i>," said the cop.»</p> <p>Stephen King "Mr. Mercedes"</p>	<p>– <i>Опознать его не смогли</i>, – сказал полицейский.</p> <p>Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>Apartytolegalpro ceedings (asasuspect) whosetruenameis unknownorwith eld (прим. сторона судебного разбирательства (в качестве подозреваемого) , настоящее имя которой неизвестно или</p>	<p>Фразеологические единицы JohnDoe/JaneDoeдля русского читателя очень абстрактные. Замена аналогом или эквивалентом будет нести в себе русские имена и фамилии (например, Вася Пупкин), которые будут очень сильно выделяться в книге о американских</p>

		не разглашается	полицейских. Переводчик поступил корректно, просто описав феномен.
They mutter things like "Soon have a relief road through here faster <i>than you can say Jack Robinson,</i> " or "That's three point five meters, give or take a gnat's whisker." Terry Pratchett "Hogfather"	Они бормочут что-то вроде « <i>Совсем скоро</i> здесь будет запасная дорога» или «Это три целых пять десятых метра, плюс-минус комариный ус».	Quickness of thought (прим. быстрота мысли или действия).	В отличие от других оригинальных отрывков текста в нашей работе, содержащих данный ФЕ, только здесь переводчик не воспользовался фразеологическим аналогом. Перевели описательно «совсем скоро».
She must have waited in the car. She was a <i>Jane Doe</i> for almost a week, but the police released a full-face sketch. Made her look like she was just sleeping, not dead with her throat cut. Stephen King, "Joyland"	—А ее вообще никто не видел: наверно, ждала в машине. <i>Ее не могли опознать почти целую неделю</i> , но полиция опубликовала ее портрет. На нем она выглядела так, будто просто спит, а не лежит мертвая с перерезанной глоткой. Переводчик: В.А. Вебер	A party to legal proceedings (as a suspect) whose true name is unknown or withheld (прим. сторона судебного разбирательства (в качестве подозреваемого), настоящее имя которой неизвестно или не разглашается	Фразеологические единицы John Doe/Jane Doe для русского читателя очень абстрактные. Замена аналогом или эквивалентом будет нести в себе русские имена и фамилии (например, Вася Пупкин), которые будут очень сильно выделяться в книге о американских полицейских. Переводчик поступил корректно, просто описав феномен.
In any case, I picked an apple: in Adam's fall, sinned we all Stephen King,	Так или иначе, выбрал я яблоко: в грехе Адама виноваты мы все Переводчик:	This famous line of Benjamin's Harris' 1690 New England Primer expresses the basic	В данном случае фраза, являющаяся в Англии полноценной ФЕ, русскому читателю неизвестна. Однако ее смысл не

<p>“Dreamcatcher”</p>	<p>В.А. Вебер</p>	<p>Christian belief that Adam’s sin had dreadful consequences for the rest of us. (прим. знаменитая строка из «Букваря по Новой Англии» Бенджамина Харриса 1690 года выражает основную христианскую веру в то, что грех Адама имел ужасные последствия для всех нас).</p>	<p>абстрактен – при описательном переводе понятно, о каком именно Адаме идет речь. В данном случае описательный перевод является уместным.</p>
<p>She looked at me warily. Even a single glass of wine made her eyes wet (as if part of her was weeping for all the wine it wanted and could not have), and in the sunset light they looked orange, like the eyes of a <i>Jack-o’-lantern</i> with a candle inside it.</p> <p>Terry Pratchett “Hogfather”</p>	<p>Она настороженно посмотрела на меня. Даже от одного бокала вина у нее слезились глаза (как будто часть ее оплакивала все вино, которое она хотела и не могла получить), и в закатном свете они казались оранжевыми, как глаза тыквы-фонаря со свечой внутри. Переводчики: Берденников, Жикаренцев</p>	<p>a light made from a hollow pumpkin with holes cut into the sides like the eyes and mouth of a person's face, inside which there is a candle (прим. светильник из полый тыквы с прорезанными по бокам отверстиями наподобие глаз и рта лица человека, внутри которого находится свеча).</p>	<p>В России Хэллоуин официальным праздником не считается, более того, он противоречит православному христианству (не законодательной, но широко распространенной религии в России) в целом. Однако атрибутика и сам праздник известен современной молодежи, благодаря фильмам и книгам. У всего мира Хэллоуин в первую очередь ассоциируется с тыквами, поэтому описательный перевод здесь уместен.</p>

<p>On Monday he goes to see the rental agent, who does business in the sad little strip mall three blocks from 658. Merton Richter's office is a hole-in-the-wall two-roomer between a tanning salon and the <i>Jolly Roger</i> Tattoo Parlor</p> <p>Stephen King "Mr. Mercedes"</p>	<p>В понедельник он идет к агенту по аренде, который занимается бизнесом в маленьком унылом торговом центре в трех кварталах от 658. Офис Мертона Рихтера представляет собой двухкомнатную дыру в стене между солярием и тату-салоном «<i>Череп и кости</i>»</p> <p>Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>theblackflagwitha pictureofboneson itthatwastraditionallyusedonashipbelongingtopirates (прим. черный флаг с изображением костей на нем, который традиционно использовался на корабле, принадлежащем пиратам)</p>	<p>Данный феномен известен в России под генерализированным термином «пиратский флаг». Однако, при описании пиратской атрибутики на флаге (череп и кости) у русского читателя не возникает проблем с четкой ассоциацией между названием тату-салона и пиратским кораблем. Перевод подобран корректно.</p>
<p>I don't mean he is a tricky fellow, but his Judas kiss would be a French one</p> <p>Stephen King "Mr. Mercedes"</p>	<p>Я не хочу сказать, что он хитрый малый, но если бы он был Иудой, он бы поцеловал ее с языком</p> <p>Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>A traitorous action disguised as a show of affection. The phrase alludes to the Biblical account of the betrayal of Jesus by Judas, who kissed Jesus to identify him to the authorities arresting him.(прим. Предательское действие, замаскированное под демонстрацию привязанности. Эта фраза отсылает к библейскому</p>	<p>Здесь перевод получился комбинированным из-за игры слов JudasKiss/FrenchKiss, однако переводчику удалось успешно описать его, переделав лексико-грамматическую конструкцию. Таким образом, переводчик сохранил изначальную идею и не потерял компоненты эквивалентного ФЕ.</p>

		<p>рассказу о предательстве Иисуса Иудой, который поцеловал Иисуса, чтобы опознать его властям, арестовавшим его).</p>	
<p>Sixty years of squabbling that makes Bleak House feels like Dick and Jane</p> <p>Nail Gaiman “American Gods”</p>	<p>Шестьдесят лет ссор, из-за которых атмосфера внутри Блик Хаус напоминает сюжет книжки о двух типичных американцах</p> <p>Переводчики: В. Михайлин и Е. Решетникова</p>	<p>a series of U.S. children’s books, used from the 1930s to the 1960s, for teaching children to read. They are about a boy and a girl whose lives and families were typically American and middle-class. (прим. серия американских детских книг, использовавшихся с 1930-х по 1960-е годы для обучения детей чтению. Они о мальчике и девочке, чьи жизни и семьи были типично американскими и принадлежали к среднему классу).</p>	<p>Серия книг, упомянутая в отрывке, в России неизвестна. Более того, даже фильм с таким же названием был переведен иным образом, опуская имена. Генерализируя название, переводчик передает его описательно. Перевод можно считать успешным.</p>
<p>Mail this letter to my brother, who I haven't seen for twenty years? I promise. Say</p>	<p>Отправить это письмо моему брату, которого я не видел двадцать лет?</p>	<p>Ave Mary (hail Mary) is a prayer to the Virgin Mary that is said by Roman</p>	<p>В русских молитвах верующие обращаются к святой Богородице, однако имя Девы Марии</p>

<p><i>fifteen Ave Marys for my soul? I promise. Let me die under my spirit-name and see that it goes on my tombstone? I promise</i> Stephen King“Mist”</p>	<p>Обещаю. Сказать пятнадцать «Радуйся, Святая Мария» за мою душу? Обещаю. Позволь мне умереть под моим духовным именем и увидеть, что оно будет на моем надгробии? Я обещаю. Переводчик: В.А. Вебер</p>	<p>Catholics. (прим. Богородица–это молитва Деве Марии, которую произно сят католики).</p>	<p>известно в русских реалиях и прочно ассоциируется с матерью Христа. Переводчик расширяет перевод, используя строчку из старославянской молитвы «Богородице Дево радуйся», таким образом делая ФЕ более понятной читателю, но не используя русский эквивалент. Благодаря такому прием ощущается разница в понимании Христианства двумя народами.</p>
--	--	--	--

В представленной выше таблице было проанализировано 37 фразеологических единиц с компонентом антропоним в составе, взятых из 22 произведений писателей С. Кинга, Т. Пратчетта и Н. Геймана. На основании данной таблицы и в рамках анализа, мы сделали следующие выводы:

1) Контекстуальная замена – самый распространенный способ перевода ФЕ с компонентом антропоним в анализируемых произведениях (13/37). Наблюдается тенденция, что, даже имея фразеологический аналог или эквивалент в русском языке, переводчик стремится заменить его на просторечное и более понятное выражение («JackandJill»–«два сопляка»). Это обуславливается тем, что целевая аудитория – современные подростки и школьники, которым многие старые выражения могут быть попросту неизвестны. Пользуясь таким способом, переводчик старается максимально подстроиться под идиостили писателей, в которых наблюдается изобилие сленга и различных современных культурных феноменов, аналоги которых русскому читателю еще неизвестны.

2) Во время анализа мы заметили, что многие ФЕ только недавно укрепились в языке (*Karen, fellowMellow*), и это заставляет переводчика изучать феномен и учитывать его лингвокультурный контекст, прежде чем приступать к переводу. В таком случае контекстуальная замена является самым удобным решением – подобрать определенного рода контекстный синоним и органично встроить его в авторский стиль намного удобнее, чем пытаться сохранить фразеологическую составляющую высказывания, которая будет выделяться в контексте.

3) Второй по распространенности перевод – описательный (11/37). Переводчики стараются полностью исключить использование русского эквивалента, если в нем содержится русские имена и фамилии. Они учитывают интерес молодежи к культуре запада и стараются как можно понятнее описать феномен, нежели просто передать его смысл через устоявшийся русский эквивалент.

4) С этим связано и непопулярность перевода калькированием в нашем анализе (3/37). Даже при использовании «кальки», переводчики стараются скомбинировать ее с описанием или добавить сноску, чтобы полноценно раскрыть феномен и его лингвокультурный контекст. Возможно, из-за особенностей целевой аудитории, переводчики также учитывают, что многих исторических деятелей и деятелей культуры нынешнее поколение может просто не знать.

5) Такую тенденцию можно заметить и при рассмотрении ФЕ с антропонимом в составе, относящихся к религии. Чаще всего, при работе с ними переводчик старается подобрать самый широко распространенный аналог в русских реалиях, даже если у оригинального ФЕ есть полноценный русский эквивалент. Возможно, это связано с тенденцией у молодежи к атеизму, либеральным взглядам и скепсису в вопросах религии. Мы заметили, что в некоторых случаях переводчик таким образом уважительно относится к разнице в отношении к христианской религии американцев и

русских, стараясь максимально генерализировать оригинальную ФЕ в обеих лингвокультурных реалиях.

6) В теоретической части исследования мы обращались к работам многих русских и зарубежных ученых, которые выделяют, что ФЕ с антропонимом в составе не нуждается в контексте, чтобы понять ее смысл. На практике мы выяснили, что при работе с литературой очень важно учитывать лингвокультурный контекст при переводе таких ФЕ. Переводчик должен учитывать также и жанр, и аудиторию для которой создавалось оригинальное произведение. Именно благодаря четкой работе профессиональных переводчиков с лингвокультурным контекстом именно смысловая часть, заложенная в оригинальных ФЕ, была передана верно.

7) Фразеологические аналоги (10/37) переводчики тоже стремятся подбирать наиболее широко распространенные или современные. Это связано как с целевой аудиторией, так и с особенностями стиля авторов. Большинство их героев – подростки и наиболее часто можно увидеть ФЕ с антропонимом в составе именно в диалогах между ними. Пытаясь сделать стиль общения более натуральным, переводчик старается избегать особенно старых фразеологических аналогов.

8) Лингвокультурный контекст – основополагающая перевода ФЕ с компонентом антропоним. Сохранение как фразеологического элемента, так и содержания в литературе жанра ужасы возможно только при наличии современного фразеологического аналога. Важнее сохранить семантику самого явления, чем его образность и экспрессивность.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Проанализировав способы перевода англоязычных фразеологизмов с антропонимом в составе на русский язык, мы можем сделать вывод о том, что их перевод может иметь определенные сложности из-за различий лингвокультурных реалий. Они описывают явления, характерные для

англоговорящих стран, и не всегда имеют аналоги не то, что фразеологизмов, но и просто явлений в русском языке.

Можно отметить, что самым распространённым способом перевода ФЕ с антропонимом в составе в литературе жанра ужасы является контекстуальная замена. Это обусловлено тем, что целевая аудитория произведений С. Кинга, Т. Пратчетта и Н. Геймана – подростки и школьники, которым могут быть неизвестны многие западные феномены. Еще важную роль в их переводе играет особенности идиостилей писателей – их произведения полны сленговых выражений и только недавно появившихся культурных явлений, а также использование старых легенд и преданий в современных английских и американских реалиях. В таком случае контекстуальная замена является самым удобным решением – подобрать определенного рода контекстный синоним и органично встроить его в авторский стиль намного удобнее, чем пытаться сохранить фразеологическую составляющую высказывания, которая будет выделяться в контексте.

Сохранение фразеологической составляющей при переводе также уходит на второй план. Перед переводчиком стоит важная задача – передать смысл высказывания, сделав его понятным для русской аудитории, при этом не утратив индивидуальность западного феномена. Это заставляет переводчика использовать описательный способ перевода, чтобы полностью передать именно лингвокультурный контекст.

Также переводчики стараются подбирать фразеологические аналоги, которые наиболее распространены в реалиях другой культуры. Это связано как с целевой аудиторией, так и с особенностями стиля авторов. Большинство их героев – подростки и наиболее часто можно увидеть ФЕ с антропонимом в составе именно в диалогах между ними. Пытаясь сделать стиль общения более натуральным, переводчик старается избегать особенно старых фразеологических аналогов.

При работе с литературой, целевой аудиторией жанра которой является современная молодежь, очень важно учитывать лингвокультурный контекст при переводе ФЕ с антропонимом в составе. Именно благодаря четкой работе профессиональных переводчиков с реалиями чужой культуры смысловая часть, заложенная в оригинальных ФЕ, передается верно. Однако сложность заключается именно в сохранении фразеологического элемента при переводе – современные переводчики опускают его ради сохранения общего стиля.

Таким образом, перевод ФЕ с антропонимом в составе все еще остается проблемной и актуальной темой в рамках современного переводоведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной целью данной работы было рассмотреть, какими стратегиями пользуются переводчики современной литературы при передаче фразеологизмов с антропонимом в составе, а также выяснить, как при таком переводе функционируют лингвокультурные особенности каждого из устойчивых выражений. Исходя из полученных результатов, мы можем с уверенностью сказать, что мы достигли всех поставленных целей в нашей работе.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что основной трудностью для переводчика было сохранение формы и смысла фразеологизма с антропонимом в составе при переводе. При анализе современной литературы другого языка важно понимать, что там присутствуют новые и уникальные культурные феномены, которые переводчик старается передать максимально четко, иногда и вовсе опуская фразеологический элемент. При огромном разнообразии стилистических средств русского языка, переводчикам С. Кинга, Н. Геймана и Т. Пратчетта не всегда удавалось коротко и емко передать информацию, заложенную во фразеологизме с антропонимом в составе. Главным препятствием было желание сохранить идиостиль каждого писателя.

В результате проведенного анализа удалось вывести и обобщить лингвокультурные особенности, с которыми сталкивались переводчики при передаче ФЕ с антропонимом в составе:

1) Контекстуальная замена – самый распространенный способ перевода ФЕ с компонентом антропоним в анализируемых произведениях. Наблюдается тенденция, что, даже имея фразеологический аналог или эквивалент в русском языке, переводчик стремится заменить его на просторечное и более понятное выражение.

2) Многие ФЕ только недавно укрепились в языке (Karen, fellowMellow), и это заставляет переводчика изучать феномен и учитывать его лингвокультурный контекст, прежде чем приступать к переводу.

3) Переводчики стараются полностью исключить использование русского эквивалента, если в нем содержится русские имена и фамилии. Они учитывают интерес молодежи к культуре запада и стараются как можно понятнее описать феномен, нежели просто передать его смысл через устоявшийся русский эквивалент.

4) Даже при использовании калькирования, переводчики стараются скомбинировать ее с описанием или добавить сноску, чтобы полноценно раскрыть феномен и его лингвокультурный контекст. Возможно, из-за особенностей целевой аудитории, переводчики также учитывают, что многих исторических деятелей и деятелей культуры нынешнее поколение может просто не знать.

5) При работе с литературой очень важно учитывать лингвокультурный контекст при переводе таких ФЕ. Переводчик должен учитывать также и жанр, и аудиторию для которой создавалось оригинальное произведение. Именно благодаря четкой работе профессиональных переводчиков с лингвокультурным контекстом именно смысловая часть, заложенная в оригинальных ФЕ, была передана верно.

6) Фразеологические аналоги переводчики тоже стремятся подбирать наиболее широко распространенные или современные. Это связано как с целевой аудиторией, так и с особенностями стиля авторов. Большинство их героев – подростки и наиболее часто можно увидеть ФЕ с антропонимом в составе именно в диалогах между ними. Пытаясь сделать стиль общения более натуральным, переводчик старается избегать особенно старых фразеологических аналогов.

7) Лингвокультурный контекст – основополагающая перевода ФЕ с компонентом антропоним. Сохранение как фразеологического элемента, так и содержания в литературе жанра ужасы возможно только при наличии

современного фразеологического аналога. Важнее сохранить семантику самого явления, чем его образность и экспрессивность.

При работе с литературой, целевой аудиторией жанра которой является современная молодежь, очень важно учитывать лингвокультурный контекст при переводе ФЕ с антропонимом в составе. Именно благодаря четкой работе профессиональных переводчиков с реалиями чужой культуры смысловая часть, заложенная в оригинальных ФЕ, передается верно. Однако сложность заключается именно в сохранении фразеологического элемента при переводе – современные переводчики опускают его ради сохранения общего стиля.

Таким образом, оригинальный текст на английском языке остается более насыщенным языковыми средствами, чем перевод. Переводчикам нужно очень внимательно соблюдать баланс между формой и смыслом таких уникальных единиц, как фразеологизмы с антропонимами в составе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Е. Еще раз о стереотипах в этнолингвистике / Е. Акимова, А. Гудавичюс // *Etnolingwistika. Problemy języka i kultury* / [red. J. Bartmiński]. – Lublin, 2003. – V. 15. – S. 95–113.
2. Артемова А. Ф. Культурно-национальная специфика английских фразеологических единиц и ее сохранение при переводе / А.Ф. Артемова // *Университетские чтения*. – Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2002. – С. 79–80.
3. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 512 с.
4. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : Пространство и человек / Е. Л. Березович / [под ред. А. К. Матвеева]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 328 с.
5. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
6. Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) / Н. Г. Брагина // *Фразеология в контексте культуры*. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 131–138.
7. Бухонкина А.С. Типы асимметрии культурем (на материале французского и русского языков): автореф. дис.... канд. филол. наук / А. С. Бухонкина. – Волгоград, 2002. – 22 с.
8. Ван Суян. Фразеологические единицы с культурной коннотацией в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и их перевод на китайский язык / Ван Суян // *Мир науки, культуры, образования*. – 2020. – №3 (82). – С. 334–336.
9. Верещагин Е.М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // *Словари и лингвострановедение*. – М. : Русский язык, 1982. – С. 89–98.

10. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
11. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Высшая школа, 2017. – 340 с.
12. Воробьев В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 2008. – 336 с.
13. Горденко Н. В. Сложности перевода английских фразеологизмов на русский язык / Н. В. Горденко, Ю. В. Тищенко // Успехи современного естествознания. – 2008. – № 3. – С. 29.
14. Дарзаманова Г. З. Фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском, английском языках : дис. ... канд. филол. наук / Г. З. Дарзаманова. – Казань, 2002. – 174 с.
15. Доспанова Д. У. Антропонимы и некоторые аспекты их изучения / Д. У. Доспанова // Молодой учёный. – 2017. – № 14 (148). – С. 712–714.
16. Ермолович Д. И. Общие принципы, методы формирования и типология ономастических соответствий / Д. И. Ермолович. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
17. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Валент, 2001. – 200 с.
18. Загирова З. Р. Лексико-семантические и функциональные параметры антропонима в составе фразеологической единицы в английском языке (в сопоставлении с французским, русским и татарским) : дис. ... канд. филол. наук / З. Р. Загирова. – Уфа, 2003. – 215 с.
19. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67, № 2. – С. 60–65.
20. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук / М. Л. Ковшова. – М., 2009. – 654 с.

21. Костин А. В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В. И. Даля (на материале концепта «вода») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Костин. – Иваново, 2002. – 208 с.
22. Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород : Изд-во БГУ, 2002. – 288 с.
23. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
24. Кривоносов А. Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании» (Подступы к сущности языка) / А. Т. Кривоносов. – М. ; Нью-Йорк : ЧеРо, 2006. – 821 с.
25. Культура и культурология: Словарь / сост. и ред. А. И. Кравченко. – М. : Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 928 с.
26. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд-е, перераб. / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996.– 381с.
27. Лайпанова Е. Н. Проблемы перевода фразеологических пословиц / Е. Н. Лайпанова // Традиции и инновации в системе образования : Материалы VII Международной научно-практической конференции, Карачаевск, 14–20 июня 2017 года / отв. ред. Е.А.Лепшокова. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2017. – С. 171–175.
28. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М. : Издательство Московского университета, 1982. – 480 с
29. Лосев А.Ф. Философия имени. М. : Издательство Московского университета, 1990. – 685 с.
30. Латышев Л. К.Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л. К.Латышев, А. Л.Семенов. – М. : Высшая школа, 2003. – 192 с.

31. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 202 с.
32. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2007. – 207 с.
33. Огольцев В. М. Семантизация культурного компонента языковой единицы в учебном словаре устойчивых сравнений / В. М. Огольцев // Словари и культуроведение. – М. : Русский язык, 1982. – С. 130–137.
34. Орлова Э. А. Артефакт как единица анализа социокультурной микродинамики / Э. А. Орлова // Обсерватория культуры. – 2010. – № 5. – С. 4–10.
35. Пермяков Л. П. Избранные пословицы и поговорки народов Востока /Л. П. Пермяков. – М. : Наука, 1968. – 380 с.
36. Подкорытова С. В. Способы перевода фразеологизмов / С. В. Подкорытова //Научные труды КубГТУ. – 2016. – № 4. – С. 504–514.
37. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня ; [сост., вступ. статья, примеч. И. В. Иваньо, А. И. Колодной]. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
38. Солодуб Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55–65.
39. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; [пер. с фр. под ред. А. А.Холодовича]. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
40. Телия В.Н. Внутренняя форма и её роль в функционировании значения слов и фразеологизмов // Семантика языковых единиц: Материалы 3 научно-исследовательской конференции. Часть 2. Фразеологическая семантика. М., 1993. С. 55-59.
41. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 295 с.

42. Телия В. Н. Деконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках / В.Н. Телия // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Материалы к коллективному исследованию: Тезисы докладов / [отв. ред. Т. М. Николаева]. – М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1999. – С. 87–94.

43. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

44. Теория и методика ономастических исследований. 3-е изд. / А. В. Суперанская и др. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

45. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб.пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

46. Флиер А. Д. Культурология для культурологов / А. Д. Флиер. – М. : Академический Проект, 2000. – 496 с.

47. Шамова Н. В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе / Н. В. Шамова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №2. – С. 171–178.

48. Язык и культура. Третья международная конференция : доклады / сост. С. Б. Бураго. – Киев : [б. и.], 1994. – С. 16–17.

49. Chauvin A. Lipogramme et rhétorique : aspects du travail du lieu commun chez Georges Perec / A. Chauvin // Lieux communs, topoï, stéréotypes, clichés / [Ch. Plantin]. – Paris : Kimé, 1993. – P. 27–36.

50. Fevre-Pernet Ch. Readymades linguistiques et genres promotionnels / Ch. Fevre-Pernet // Signes, discours et sociétés. – 2009. – № 4. Visions du monde et spécificité des discours [Электронный ресурс]. – URL: http://www.revue_signes.info (дата обращения: 19.05.2022).

53. Lippmann W. Public Opinion / W. Lippmann [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.norton.com/college/history/america-essential-learning/docs> (дата обращения: 19.05.2022).

54. Putnam H. Mind, Language, and Reality. Philosophical Papers [Электронный ресурс]. – URL: <http://ebooks.cambridge.org/> (дата обращения: 19.05.2022).

55. Sapir E. Language. Selected Writings in Language, Culture and Personality / E. Sapir; edited by D. G. Mandelbaum. – Berkeley and Los Angeles, California : University of California Press, 1949. – P. 7–32.

56. Schapira Ch. Les stéréotypes en français : proverbes et autres formules / Ch. Schapira. – P. : Editions Ophrys, 1999. – 172 p.